

УЮТНОЕ
ФЭНТЕЗИ

ДАША КЛУБУК

РОВЕСТЬ О ГРАФФАХ

Даша Клубук

Повесть о граффах

Серия «Уютное фэнтези»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68964036
Повесть о граффах. Роман: SelfPub; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-159976-8*

Аннотация

Скрываемая веками тайна Граффеории больше не тайна. Ступив на территорию страны, каждый человек приобретает магический дар: левитанты могут летать, кукловоды придают неживому признаки живого, эфемеры в скорости обходят самого гепарда... Источник этих даров – Белый аурум, древний как мир камень, наделяющий людей одной из восьми ипостасей.

Но что будет, если чудородный Белый аурум похитят прямо во время народного праздника, под самым носом у Ида Харша, лучшего сыщика столицы? Камень окажется за пределами страны – не станет ипостасей, священного естества граффов... И что делать Ирвелин, пианистке и отшельнице, которую подозревают в краже, ведь в Граффеорию она вернулась прямо накануне трагедии?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	59
Глава 6	92
Глава 7	118
Глава 8	150
Глава 9	161
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Даша Клубук

Повесть о граффах

Роман

*мама и папа,
это вам как итог вашей веры в одну маленькую
выдумщицу, за выдумками которой вы бесконечно
готовы следовать*

* * *

Copyright © Даша Клубук, 2023

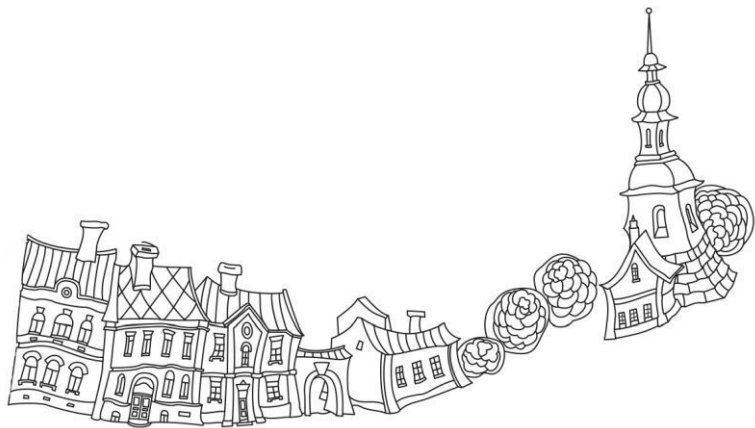
© Анастасия Васильева (kawamiga), иллюстрация, 2023

В оформлении макета использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Дом под номером 15/2

Ничего нет лучше хорошей истории. Так считала Ирвелин Баулин, пианистка и затворница, она же молодой графф, что связывает ее отнюдь не с титулом. Граффами себя называет целый народ: гордый, упрямый и немножечко необычный. Впрочем, в хороших историях следует соблюдать порядок. Не будем же его нарушать.

Началась наша история там, где и несколько эпох тому назад началась история самой Граффтеории.

Робеспьеровская была улицей как будто бесконечной.

Длинная и закоулистая, она как экватор делила столицу королевства на беспокойный юг и степенный север. Не проходило и дня, чтобы какой-нибудь иностранец не заблудился бы меж камня и огней Робеспьеровской, а какой-нибудь графф не спас бедолагу, проводив его под руку к улице Доблести – улице, выходящей напрямиком к изумрудному сиянию королевских садов. Бывало даже, левитанты снимали иностранцев и с верхушки фонарных столбов, когда те совсем отчаялись найти выход из каменного лабиринта.

Пусть слава у Робеспьеровской была не самой доброй, зато граффы частенько поговаривали, что на этой улице стояли самые причудливые дома во всем королевстве.

Алый дом под номером 15/2 несколько выделялся на фоне своих соседей. Охваченный с обеих сторон серым камнем, он радовал глаз каждого блуждающего по Робеспьеровской: кирпич красиво гармонировал с тонкими оконными ставнями, и почти с каждого балкона выглядывали клумбы, подставляя солнцу свои благоухающие жасмины.

В первых числах сентября к дому под номером 15/2 прибыл новый житель. Стоял теплый день, листва только-только начала менять свой окрас, а высушенная земля еще не успела насытиться влагой. Ирвелин Баулин вышла из дряхлого грузовичка на вымощенную булыжником улицу и осмотрелась вокруг. Робеспьеровская уходила вдаль узкой дорожкой, словно заковыристая тропа в дремучем лесу, где вместо деревьев вокруг – каменные дома.

– Куда нести чемоданы? – надменным тоном спросил водитель грузовика.

– В ту дверь, на второй этаж, – бросила Ирвелин, даже не взглянув на водителя. Ей было не до того, ведь на нее резко нахлынули воспоминания. В этом месте она провела свое детство. Многое вокруг изменилось, а аромат жасмина здешний воздух так и не покинул.

Госпожа Ирвелин Баулин – со странностями, как это принято говорить о человеке, который избегает общения. У нее прямая осанка, как у признанной балерины, и короткая стрижка, как у соседского мальчугана. Прохожие, которым повезло с ней пересечься, в первую очередь замечали ее глаза – они у Ирвелин были большие, круглые и будто бы всегда немного удивленные.

Водитель грузовика что-то недовольно буркнул и направился к двери, но открыть он не успел – дверь распахнулась перед ним, и на улицу вприпрыжку вышел взлохмаченный графф.

– Доброго вам дня, – поприветствовал он водителя и сделал шаг назад, придерживая дверь. На глаза ему попались тяжелые чемоданы. – Вы к нам заезжаете?

– Не я, – сказал тот. – Она. Из-за границы приехала, – и косо посмотрел в сторону Ирвелин, которая продолжала стоять на том же месте и безмятежно созерцать небо. Ее вельветовая юбка клеш развевалась на ветру; из-под юбки выглядывали тонкие щиколотки и длинные зашнурованные ботинки.

Скромный образ дополнял свисающий рюкзак, карманы которого были нелепо распахнуты.

Графф кивнул.

«Существо весьма неприметное, чуть неряшливое, но в целом – милое», – подумал он и спустя мгновение уже стоял рядом с Ирвелин.

– Приветствую вас в нашем зверинце! Госпожа?..

Услышав радостный голос, Ирвелин обернулась. Несколько долгих секунд она вглядывалась в вытянутое лицо граффа, а после, часто заморгав, ответила:

– Ирвелин Баулин.

– Госпожа Ирвелин Баулин! – слишком уж торжественно закончил он.

– В обоих словах ударение на первый слог, – с самым серьезным выражением поправила его Ирвелин.

– Виноват. – Графф расплылся в улыбке, в ослепительности которой был уверен.

Граффа звали Август. Высокий атлет с обаянием йоркширского терьера – и русый, и лохматый, и добродушный. Его открытый взгляд являл миру красиво очерченные глаза пшеничного цвета, а поношенные брюки и толстовка придавали взрослому граффу вид беспечного подростка.

Вопреки ожиданиям Августа его улыбка нисколько не смутила девушку. Более того, вместо ответной улыбки она с тем же невозмутимым видом спросила:

– А почему «зверинец»? – Август вопросительно припод-

нял брови, и Ирвелин пояснила: – Вы сказали, что приветствуете меня в вашем зверинце. Почему «зверинец»?

– Ну, это такое образное выражение...

Ирвелин ждала, что этот чрезвычайно радостный графф скажет что-нибудь еще, но тот лишь отвел в сторону взгляд и пригладил взлохмаченные волосы. Ирвелин вздохнула и назидательно произнесла:

– Мне кажется, для Граффгеории есть куда более подходящие выражения. Королевство, обитель ипостасей, природная крепость... Дом.

Последовала неловкая пауза, неловкость которой ощутил один лишь Август. «Чудная», – подумал графф, а вслух произнес (соблюдая все правила ударения и стиля):

– Предлагаю забыть о моем неосторожном сравнении. Меня зовут Август Ческоль, и я рад приветствовать вас, Ирвелин Баулин, в славном королевстве Граффгеория.

Ирвелин с удовлетворением кивнула, словно молодой графф только что успешно пересдал ей экзамен. Больше она никак не реагировала, что повлекло за собой новую неловкую паузу.

Будь на месте Августа кто-нибудь другой, он бы поспешил отмахнуться от этой странной девушки и отойти, однако перед Ирвелин стоял сам Август: тот самый графф, который умел добиваться расположения везде и всюду. Его рады были видеть на любом мероприятии, будь то открытие местной библиотеки или день рождения, где Август не знал ни одного

гостя, – не беда, ведь спустя каких-то полчаса Августа узнают все.

– Позвольте мне помочь вам занести оставшиеся сумки в дом, – предложил Август со всей своей природной выразительностью.

– Они не тяжелые, – отрезала Ирвелин.

– Все же позвольте, я помогу.

И он схватил ручки двух сумок и развернулся к кирпичному дому. Ирвелин, на миг растерявшись, последовала за ним. Обойдя фонарь и вышедшего из подъезда водителя грузовика, они вместе подошли к двери с тяжелым бронзовым молотком в форме грифона. Август галантно открыл дверь и пропустил Ирвелин вперед.

В парадной девушку накрыло запахом, который уже успел раствориться в ее памяти: отсыревшее белье и старая краска. Напротив возвышалась узкая винтовая лестница с изрядно потертым малиновым ковром. Как и тринадцать лет назад, в этой парадной было просто и ухоженно. Пусть узорчатая половая плитка местами и потрескалась, однако ни на одном квадрате нельзя было найти и пятнышка грязи.

На втором этаже Ирвелин подошла к двери с металлическим номерком «5». Сплошь забитая пуговицами дверь пробудила в ее душе очередные отголоски прошлого. Ей не терпелось взяться за ручку, войти в квартиру и остаться наедине с единственным человеком, с которым она чувствовала себя комфортно, – с собой. Сзади раздалось покашливание,

и Ирвелин нехотя обернулась.

– Так вы здесь будете жить? Вот совпадение! А моя квартира прямо напротив, шестая, – Август махнул головой в сторону двери, которую скрывали деревянные перила лестницы. – А вон в той живет господин Сколоводаль, наш самопризнанный консьерж. Он целыми днями дежурит у своего дверного глазка и бдит за всем, что происходит в парадной. Даже сейчас, я уверен, он следит за нами. Ходит слух, что у старика есть журнал размером с сундук, в котором он фиксирует каждое событие, произошедшее в парадной. Кто во сколько пришел, кто во сколько ушел, с кем он был, во что оба одеты...

Август говорил, а Ирвелин его не слушала. Она смотрела на свои сумки у него в руках и размышляла, как бы отобрать их.

– Мне нужно идти, – перебила его Ирвелин, не найдя другого способа вернуть свои вещи.

Август осекся. Несколько секунд они стояли в молчании. «Что ж, стоит с достоинством принять поражение», – заключил про себя графф и поставил сумки у ног нелюдимой соседки.

Забыв поблагодарить своего провожатого – скорее от спешки, нежели от абсолютного отсутствия такта, – Ирвелин подняла сумки, ногами протолкнула чемоданы через порог и скрылась за дверь.

Квартира четы Баулин с момента переезда семьи тринна-

дцать лет назад почти не изменилась. В прихожей Ирвелин чуть не споткнулась о стопки книг, верхушки которых были увенчаны гипсовыми головами. В большой комнате, панораму которой было видно с самого входа, уместились и столовая, и кухня, и гостиная – простором комнат дом на Робеспьеровской уступал если только покоям королей. Стены большой комнаты были выкрашены в оливковый цвет, а внутри стен царил старомодный хаос.

Середину занимал массивный круглый стол, окруженный сиденьями на разный манер: тут нашли место и скрипучие табуретки, и стулья а-ля богема с утерянным во времени лоском, и мягкие кресла с резными подлокотниками. Когда Ирвелин была ребенком, за этим столом ее родители часто собирали друзей. Они играли в карты, угощались анисовыми пряниками и постоянно смеялись. Ирвелин подошла к круглому столу и прислушалась. Ей показалось, что призраки их далекого смеха до сих пор блуждали по душной гостиной.

А слева, у выхода на балкон, стояло старое пианино. Главное ее сокровище. Ирвелин приблизилась к нему и провела ладонью по пыльной дубовой крышке.

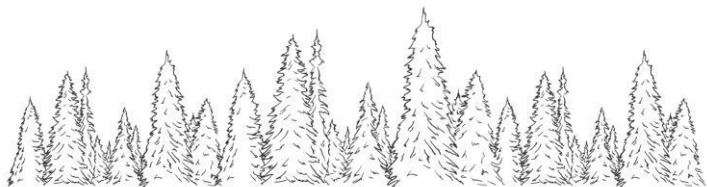
«Ну привет, забытый всеми скворец. Ты не против, если я нарушу твоё одиночество?»

Не дождавшись ответа, она расправила плечи и обвела гостиную умиротворенным взглядом.

«С возвращением в Граффеорию, Ирвелин. Ты снова дома».

Глава 2

Ипостась

Граффеория – страна-диковина. Для граффов, местных жителей, Граффеория была великим королевством с культурой совершенно необыкновенной; для иностранцев – страной скрытной и диковатой, время от времени волнующей заграничные умы; для Ирвелин – родным домом, с которым в прошлом ей пришлось расстаться, скоропостижно и не по своей воле.

При встрече с коренным граффом неподготовленный иностранец падал в обморок или щипал себя за руки, проверяя, не спит ли он часом. А дело здесь обстояло в том, что в этом королевстве правил не только король, потомок того самого Великого Ола, но и сила, исходящая от Белого аурума, драгоценного артефакта, который Великий Ол отыскал в недрах граффеорской земли далеких пять сотен лет назад.

На протяжении долгого времени граффы бережно хранили свою тайну, закрыв границы и не допуская на территорию королевства ни одной иностранной души. Граффеория жила обособленно, не вступала в международные конфликты, не создавала союзов и не участвовала в переговорах. На карте – темное пятно, закутанное в горы. В то смутное время иностранцев мало занимала эта тихая страна; в большом мире ходили слухи, что Граффеория кишела плебеями, чей разум прекрасно обходился без знаний о чудесах цивилизации. Можно представить, каково было всеобщее удивление, когда большой мир узнал, что их подозрения были весьма и весьма далеки от истины.

Почти век миновал с тех пор, как гордые граффы раскрыли остальному миру свою потайную суть. Произошло это во времена правления короля Филлиуса Второго, прапраправнука Великого Ола. То был смелый человек, инакомыслящий предводитель, способный ломать старые устои и идти наперекор своему народу ради процветания королевства. Его нарекали предателем, распутником, даже шпионом, и на протяжении долгих семи лет его положение было хрупким, как мартовский лед. Доверял Филлиус Второй лишь крохотной горстке последователей, которые разделяли его убеждения. Они верили в его цель – открыть границы Граффеории и, несмотря на все различия, быть в дружбе с другими странами.

То было время междоусобиц. Дело могло обернуться и на-

родным восстанием, если бы не упорство и ораторский талант Филлиуса Второго. Благодаря врожденному дару убеждения, который король оттачивал в течение всей своей долгой жизни, ему таки удалось обуздать готовых взбунтоваться граффов. Одним погожим летним днем он вышел на окруженный балюстрадой балкон Мартовского дворца и выступил перед переполненной граффами площадью. Речь его была длиною с дюжину часов. Все это время Филлиус говорил и говорил, преодолевая страшный гул и улюлюканье. С площади его закидывали гнилыми персиками, но король не сходил со своего пьедестала и делал паузы лишь на краткие глотки воды. Речь его была спокойной и вымеренной, голоса он не повышал, а сам держался уверенно, притом что подбородка он не поднимал, а напротив, опускал его вниз, на суд своего упрямого народа. Ближе к концу манифеста буйный свист на площади начал стихать; улюлюкать граффы попросту устали и вместо этого принялись действительно слушать.

В тот день было сказано много правильных слов: о важности дружбы и ценности различий, о пользе путешествий и необходимости обмена опытом. И граффы были усмирены. Ночью того же числа король Филлиус Второй праздновал победу.

Его манифест вошел в историю как самый продолжительный и храбрый, а Филлиуса Второго провозгласили Великим Оратором, выставляя его на пьедестал Великих, где он по сей день стоит бок о бок со своим знаменитым прапрапрадедом.

С тех пор закон о строжайшей обособленности был упразднен, и Граффеория открыла свои границы. Граффы начали путешествовать в другие страны, а иностранцы – посещать Граффеорию.

Тайна Граффеории больше не была тайной.

Тот самый Белый аурум, что правил королевством вместе с королем, имел необычайное свойство. Узнав о нем, мировое сообщество вмиг нарекло Белый аурум восьмым чудом света. Граффеория стала принимать заграничных гостей, жаждущих испытать те дары, которые артефакт распространял.

Белый аурум разделял всех людей, находившихся на территории королевства, на восемь ипостасей. Восемь категорий, восемь призваний, восемь сущностей. У этого есть много названий, и все они по-своему верны.

Левитанты, эфемеры, иллюзионисты, кукловоды, отражатели, штурвалы, телепаты и материализаторы.

Каждая из ипостасей давала своему носителю уникальный дар – невидимая шепотка волшебства, просыпанная над человеком, как только тот вступал на земли королевства. Восторг и благоговение испытывал неискушенный носитель, который ни с того ни с сего мог подняться в воздух без какой-либо посторонней помощи. А он всего-навсего приобрел навык левитанта: летать.

Но стоит помнить, что скрытый дух, закупоренный в Белом ауруме, не поддается чужим желаниям и уговорам, он

сам решает, какой именно дар приобретает человек. История помнит немало творческих людей, которые мечтали стать иллюзионистами, а по прибытии в королевство возымели дар эфемера. Перезагрузки не будет – таково окончательное слово белого камня.

Иностранцам нравилось приезжать в Граффеорию и испытывать на практике ее щедрые дары. Однако приключению не дано длиться вечно, и как только человек покидал земли королевства, его покидал и приобретенный дар. Даже прирожденный графф, переступая границу, терял свою ипостась. Таков нерушимый закон белого камня: его дар распространялся вокруг него строго на диаметр, равный протяженности Граффеории от восточной горной цепи до западных сосновых лесов. Хитрая математика, позволяющая граффам чувствовать себя особенными.

Ирвелин Баулин была отражателем. Дар отражателя – создавать стены, твердые и крепкие, но при этом совершенно невидимые – такие, что ни один человеческий глаз не может за них зацепиться. Ирвелин сильно скучала по своему навыку. В детстве она называла свои стены щитами – ее оберегами от назойливости окружающего мира. И теперь, вернувшись в Граффеорию, чтобы добраться до самой высокой полки платяного шкафа, она создавала невидимую ступеньку, поднималась на нее и хватала добычу. А после – ступенька исчезала, с гордостью выполнив свое предназначение.

На следующее утро после возвращения Ирвелин снова

вышла на Робеспьеровскую. Она постаралась выскочить из дома как можно раньше, чтобы избежать компании того настырного граффа, Августа. И у нее получилось, парадная томилась в утреннем безмолвии без лишних свидетелей. Подставляя лицо осеннему солнцу, Ирвелин Баулин неспешно вышагивала по петляющим улицам. В ее голове играла музыка, пальцы в аккомпанемент сознанию прытко отбивали ритм на юбке три четверти, а большие глаза смотрели вокруг с нескрываемым удовольствием.

Кажется, столица Граффеории не желала идти в ногу со временем и осознанно застыла в средневековье. Низкие каменные дома выстроились в шеренгу, заслоняя собой дворы и площадки. В бескрайнее небо глядели треугольные крыши, покрытые «чешуйками дракона» – гордостью столичных материализаторов, или попросту зеленой черепицей. Каждый гость королевства мог оценить здесь обилие скверов и садов, блестящие воды реки Фессы, каменные фасады и круглые слуховые окошки. Тех тринадцати лет, что Ирвелин отсутствовала, будто и не было. Граффеория встречала ее в своем прежнем обликии, а воздух, как и прежде, был пропитан явными странностями.

Многие из встречающихся на пути левитантов не шли, а парили в полуметре от земли. Некоторые из них даже пренебрегли уличной обувью, брыкая ступнями в носках; прохладный осенний ветерок левитантов ничуть не смущал. Временами по улицам проскальзывала вертикальная тень, огибая

на своем пути спокойно шагающих граффов. «Даже в таком ненормальном месте, как Граффеория, привидений не существует!» Вы – не графф, если не произносили эту фразу хотя бы дважды. Тенями были эфемеры, которые, всего вероятнее, куда-то сильно опаздывали и включили свой навык скорости на полную мощь.

Несмотря на откровенные чудеса, которые происходили в дневное время и у всех на виду, мало кто из прохожих обращал внимание на летающих людей. За всю прогулку Ирвелин заметила лишь одну пожилую пару, которая прижалась к киоску с сувенирами и с глазами, переполненными вежливым ужасом, наблюдала за будничной жизнью граффов. Продавец в киоске добродушно умилялся им, натирая маслом сувениры в виде Белого аурума.

Дошагав до улицы Доблести, Ирвелин свернула налево. Вдалеке замелькали башни Мартовского дворца, и она в предвкушении ускорила шаг. На ближайшем перекрестке Ирвелин заприметила угловатый дом цвета спелой сливы. Пропустив спешащего велосипедиста, она подошла ближе и подняла взгляд на железную вывеску, дугой закрепленную на камне. «Вилья-Марципана» – гласило железо. Ирвелин посмотрела в высокие окна с мелким переплетением. Там, в глубине застарелого помещения, посреди плотно расставленных столов и стульев притаился неожиданный персонаж – одинокий черный рояль. Его величественный облик шел вразрез с обстановкой вокруг: облупленные стены, холодный

пол, низко спущенные старые люстры. Ирвелин так восхитило сочетание несочетаемого, что ее рука уже дернула за ручку, а ноги уверенно переступали порог.

Как только она оказалась внутри, то услышала строгий, чопорный голос:

– ...Остывают в печке. Принеси три корзины. И мешок сахара. Нет, лучше два мешка. Да побыстрее, Клим, у нас новый посетитель.

За стойкой стояла вытянутая по струнке смуглая женщина. Ее волосы с редкой проседью были собраны в тугий пучок – ну точь-в-точь луковица! – а длинный крючковатый нос придерживал круглые очки со свисающей вниз цепочкой.

– Мне кофе, – сказала Ирвелин, подойдя ближе.

Женщина опустила голову и взглянула на нее поверх очков.

– Доброе утро, госпожа. – Ее взыскательный тон напомнил Ирвелин об одной условности – приветствии, о котором она, увы, частенько забывала.

– Да, доброе утро.

Некоторое время женщина молча изучала ее лицо и темные короткие волосы, словно прикидывая, достойна ли эта грубая незнакомка их дивного напитка.

– Клим, один кофе! – громче требуемого произнесла она, продолжая глядеть на Ирвелин. – Живее!

Из узкой двери за барной стойкой послышался какой-то грохот, следом – треск, а через мгновение из двери вышел

парень с рыжей, как янтарь, шевелюрой. В его руках – два огромных мешка, а в глазах – полнейшее безразличие к происходящему. Оставив грохот без комментария, женщина молча указала подчиненному сначала на пол, потом на кофемашину, а после вернулась вниманием к госте.

– Что-нибудь еще для вас?

– Только кофе, – ответила Ирвелин и, подумав, прибавила: – Благодарю.

Рыжий официант выглянул из-под громадной стопки белоснежных чашек. Выглянул – и тут же скрылся.

– С вас две реи, – сообщила женщина.

Ирвелин вынула из рюкзака монеты и положила их на стойку. Рука женщины с неожиданно идеальным маникюром подобрала монеты и закинула их в кассу.

– Можете присаживаться.

Этим ранним утром кофейня была почти пустой, лишь несколько граффов, изрядно зевающих, читали за столиком газеты. Ирвелин заняла ближайший к роялю столик, в самом углу зала, и принялась с любопытством осматривать инструмент. Его волнистую крышку, изгибы крепких ножек, золотой отлив педалей. Несмотря на благородный вид, рояль был укрыт толстым слоем пыли, из-за чего Ирвелин решила, что за него не сядились уже пару столетий.

– Кофе на двенадцатый столик!

Скрипучий голос женщины отвлек Ирвелин. Она повернулась на голос, и весьма вовремя. В этот момент к ее столи-

ку летела испускающая пар чашка. Порхая над полом, блюдце стремительно приближалось. Рыжий официант по имени Клим стоял у стойки и мановением руки управлял заказом. Миг – и чашка с легким бренчанием приземлилась перед ней. «Штурвал», – со знанием дела заключила Ирвелин.

Спокойствие, все это время царившее в зале «Вилья-Марципана», было нарушено спустя несколько глотков. В дверь кофейни вошла шумная компания, обсуждая что-то настолько грандиозное, что их громкие голоса, казалось, разлетались по всему полушарию. Ирвелин приняла компанию за студентов и уже начинала терять к ним интерес, как среди толпы она заметила своего соседа, того самого Августа.

Такое совпадение могло стать поразительным, если бы не было таким удручающим. Повинуясь инстинкту, Ирвелин ближе подвинулась к роялю и нагнулась. Возможно, ей повезет, и он ее не заметит.

– Салют! – раздался знакомый голос над правым ухом. Миг Ирвелин надеялась, что Август обращался не к ней, но когда она подняла голову, то с прискорбием увидела счастливое лицо прямо над своей чашкой. Не утруждая себя манерами, Август Ческоль уже расположился за ее столиком. – Ранние подъемы укрепляют дух, верно?

Ирвелин нелепо вылезла из своего укрытия.

– Я уронила заколку.

– Ага, я так и понял. – Его открытая улыбка доползла до его огромных ушей. – А вы, Ирвелин, знали, что наш почтен-

ный король каждое утро просыпается в четыре тридцать? В пять его королевский туалет уже собран, а в четверть шестого его королевские ноги начинают прогулку по восточному королевскому саду. Он кормит уток на пруду и...

– В восточном саду пруда нет, – перебила его Ирвелин. – Пруд есть только в западном саду.

Ничуть не смутившись, Август продолжал. Ирвелин снова его не слушала, пытаясь спрогнозировать, как долго ей предстоит терпеть его общество.

– ...И он мне сказал, что, оказывается, он знает вас.

Ирвелин пробудилась как ото сна.

– Кто знает меня? Король?

Август, со снисхождением склонив голову набок, повторил то, что сказал ровно только что:

– Мой друг, Филипп Кроунроул.

И секунды не понадобилось, чтобы Ирвелин вспомнила Филиппа. Темноволосый мальчик, с которым когда-то она играла на задних дворах Робеспьеровской.

– Он до сих пор приезжает по выходным в дом 15/2? – спросила она, проявив наконец каплю интереса к беседе.

– Теперь он там живет.

Большая компания, в числе которой пришел Август, заняла все столики у окна. Галдеть они не переставали, а потому Ирвелин успела привыкнуть к исходящему от них монотонному шуму.

– Ирвелин, как вам кофе?

– Что?

– Кофе, – Август кивнул на остывающую чашку. – Я убежден, что у Тетушки Люсии варят лучший кофе во всей Граффеории.

– У кого?

Август снова улыбнулся, чем начал страшно раздражать ее.

– Хозяйку «Вилья-Марципана» зовут Тетушка Люсия. Вон та суровая дама за кассой.

За кассой стояла женщина, которая брала у нее заказ. Она отсчитывала выручку и что-то говорила официанту Климу, который пускал по воздуху очередь из заказов для большой компании.

– Так как вам кофе?

Ирвелин проигнорировала его, слишком уж заморозил ее синхронный танец тарелок и вилок на пути к посетителям. Август обреченно вздохнул.

– Ирвелин, а вы, случаем, по ипостаси не телепат?

– Нет, – тут же отрезала она. – Я отражатель.

– Тоже подходит, – сказал он, с довольным видом облокотившись на спинку стула. – А я – левитант.

Ответив граффу чем-то нечленораздельным, Ирвелин поднялась.

– Неужели уже уходите? Вы кофе не допили.

– Ухожу. У меня... дела.

Оба знали, что никаких дел у Ирвелин в такой ранний час

не было.

– Сегодня четверг, – вдруг сообщил Август, – а по четвергам мы с соседями устраиваем встречи. Кодовое название встреч – «светский четверг». Это я придумал.

Судя по его выжидательному взгляду, он страшно гордился своей ловкой фантазией. Но Ирвелин только пожала плечами.

– Приглашаю и вас, Ирвелин, на наш сегодняшний светский четверг. – Она против воли метнула взгляд на шумную компанию у окон, и Август, проследив за ней, торопливо добавил: – Нет-нет, нас будет всего трое. В том числе и Филипп. Еще будет Мира. Ее настоящее имя Мирамис, но, если захотите с ней подружиться, никогда ее так не называйте. Что скажете?

Ирвелин посмотрела на этого самовлюбленного граффа, на его раздражающую улыбку, на торчащие во все стороны волосы, которые неплохо было бы хоть изредка расчесывать.

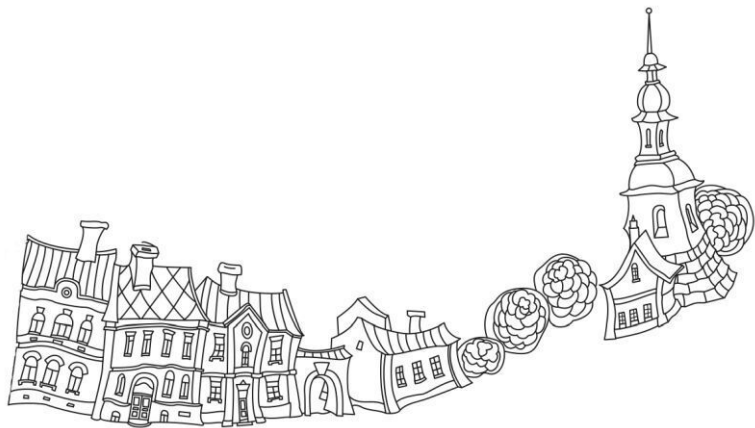
– Вечером я занята, – сказала она твердо.

– А до сколько заняты? Мы можем и подождать...

Но Ирвелин уже отошла. Она зигзагом обошла столики, достигла выхода и, в последний раз взглянув на черный роуль, вышла.

Глава 3

Знакомьтесь: сыщик

Ид Харш поднимался по бесконечной винтовой лестнице. Двести сорок восемь ступеней из песка и камня; некоторые были надломлены, а некоторые за столетия службы и вообще исчезли. Тяжелый шаг детектива эхом отдавался в глухие стены высокой башни. Позади себя Харш слышал отрывистое дыхание другого полицейского, своего друга, вынужденного стать на сегодня его бравым напарником. Еще десять ступеней, пять, одна... Когда Харш наконец добрался до вершины, утренний свет ослепил его, отчего ему пришлось

резко встать и зажмуриться.

– Посторонись, Ид, – буркнул его напарник. – Ну и что за нелегкая привела нас сюда?

Двое мужчин добрались до верхнего купола башни Утвар. С четырех сторон, согласно четырем направлениям света, на них смотрели четыре окна в железной раме каждое, а по центру в звенящей тишине башни висел колокол на крепкой цепи. Его золотистые грани преломляли яркое солнце, редкого гостя столицы, а величавый размер колокола заставил друга Ида Харша поежиться.

– Какой огромный! А нас не оглушат им, Ид?

– Неужели ты думаешь, Фиц, что я не предупредил дворцовую стражу о ходе своего следствия в этой башне? – Харш изобразил кривую усмешку и прибавил: – Башня на целый час в нашем распоряжении, можешь не волноваться.

Ид Харш не был самым приятным граффом в столице, однако он был признанным мастером сыскного дела, что доставляло ему куда большее удовольствие, нежели такая ерунда, как дружелюбие. Его темные кустистые брови занимали почти половину его лица и никогда не изменяли своего хмурого положения. Одет он был в тяжелую изумрудную шинель нараспашку и в не менее тяжелые ботинки.

– Итак, что мы здесь ищем? – спросил белобрысый Фиц, который еле доставал рослому Харшу до плеч. На его крепкой шее висел пленочный фотоаппарат, а под мышкой он сжимал стопку подготовленных Харшем бумаг.

– Мы проверяем здесь одно мое предположение... Ага! – Харш прошелся вокруг колокола и остановился у северного окна. С минуту он стоял в молчании, уставившись на раму, а после вдумчивым тоном произнес: – Вот отсюда она и прыгнула. На раме остались следы грязи, да и створки болтаются. Она забыла закрыть окна на щеколду либо и вовсе не собиралась их закрывать. Запиши, Фиц, – северное окно башни Утвар. Именно отсюда дочь короля совершила побег. И сделай снимки.

Фиц заковылял к указанному месту, и пока он фотографировал, Харш снова обошел колокол и взглянул в противоположное окно, южное. Перед его взглядом расстелилась россыпь из зеленых крыш, прерывающаяся лишь на востоке широкой рекой. Дальше вымеренный строй крыш рушился по вине крутых валунов, которые избороздили всю восточную часть Граффеории. В той части, у набережной реки Фессы, стояло вычурное здание с острыми, как иглы, шпилями. Столичный участок граффеорской полиции. В его стенах Харш проработал пятнадцать долгих лет.

– А как ты понял, Ид, что побег был совершен с этой башни, под самым носом у дворцовой стражи? – услышал он голос Фица, усиленный эхом.

Харш отстранился от южного окна и направился обратно к северному. Не в его правилах было разжевывать обстоятельства дела кому-либо, однако нынешний случай выдался особенным. Фиц не был его напарником, за все годы службы

граффеорским сыщиком у Харша никогда не было напарника. Он прекрасно справлялся один. Ну как прекрасно... Лучше доброй половины всего столичного участка. Он справлялся грандиозно! Второй месяц он ломал голову над решением капитана Миля, согласно которому у каждого сыщика должен быть напарник или, на худой конец, младший помощник. И второй месяц Ид Харш избегал общества своего помощника, которого назначил ему в подчинение капитан. Щедрая душа Фиц весьма его выручил, согласившись сопровождать Харша вместо того чересчур амбициозного юнца.

– Очевидно, что для успешного побега дочь короля искала место, откуда она сможет сбежать незаметно, – сказал Харш. – А наша многоуважаемая принцесса, как известно, левитант. На ее счету это уже второй побег, поэтому слежка за ней идет тщательная. Малейшую инородную точку в небе стража принимала за нашу коронованную беглянку.

– Нелегкий выдался год у ребят-стражников, – присвистнув, вставил Фиц, а Харш продолжал:

– Взлети принцесса из любой точки вблизи Мартовского дворца – ее тут же заметят и вернут в родные покои. Но выход она нашла, что, признаюсь, делает ей честь. Башня Утвар – самая высокая точка на много километров от дворца...

– Погоди, Ид. Ты же сказал, что стража любую точку принимает за принцессу. Вылети она отсюда...

– Вылети она из южного, западного или восточного окна – да, ее бы сию же секунду заметили, – перебил Харш. – Од-

нако принцесса вылетела из северного окна.

Отпустив фотоаппарат, который повис на тонком ремешке, Фиц с непониманием обернулся на друга.

– Фасад Мартовского дворца смотрит на юг, так? – принялся объяснять Харш. – А башня Утвар стоит позади дворца. Таким образом, вылетит принцесса из северного окна, ее полет закроет сама же башня.

Фиц с минуту не шевелился, а потом со всей силы ударил себя по морщинистому лбу.

– Ну, Ид, твоей проницательности можно только позавидовать.

– Ты все сфотографировал?

– Да, я закончил.

– Хорошо.

Ид Харш, штурвал по ипостаси, метко крутанул рукой – и щеколда за спиной Фица щелкнула, заперев северное окно изнутри.

– И каков твой дальнейший шаг по поиску сбежавшей принцессы? – спросил Фиц.

– Дальнейшего шага нет. Я уже отыскал беглянку в Прифьювурге и передал адрес ее пребывания советнику короля. – Изумленное выражение на лице друга приятно потешило самолюбие сыщика. – Сегодня мне оставалось только определить место побега, чтобы пресечь новые попытки принцессы к бегству.

– Эта девица, должно быть, презирает тебя, Ид, – хмык-

нул Фиц. – Ты дважды за этот год нарушил ее планы. Когда капитан Миль уже повысит тебя до лейтенанта?

Харш предпочел оставить без ответа этот вопрос, который больно кольнул его в районе селезенки.

– А что за напарника капитан отдал тебе в подчинение? Как его там... брат, сват... Чват! Точно, его зовут Чват. И кто он по ипостаси?

– Материализатор, – без энтузиазма пробормотал Харш, начиная спускаться по рыхлой лестнице.

– Странный выбор профессии для материализатора, – сказал Фиц, с чем Харш был согласен. – И почему же ты, Ид, притащил сюда меня, а не своего прямого помощника?

– Чват занят. У него сегодня много работы, перепечатывает протоколы.

– И этой бесполезной работой снабдил его ты сам, – усмехнулся Фиц.

– Возможно.

Харш не желал сейчас обсуждать своего юного помощника. Он только что с успехом закончил очередное дело, и единственное, чего он сейчас желал, была рюмка выдержанной на меду настойки.

Граффы спускались вниз в полумраке, крепко держась за холодные поручни. Фиц, в отличие от Харша, был изрядным любителем потреть язык, и весь путь до самого низа он неустанно болтал.

– Уже послезавтра первая суббота сентября. День Ола.

Пойдешь?

– Определенно, – дал краткий ответ Харш.

– Тебя небось и на ковровый прием пригласили, а?

– Пригласили.

– Ты молоток, Ид. В твои-то годы и столького добиться.

А вот я...

Харш любил Фица как брата, которого у него никогда не было, но душевные сантименты не мешали ему на время отключать слух, пока Фиц растекался в бесконечных, как эта лестница, опусах. Под воодушевленные перечисления Фицом его заслуг перед Граффеорией Харш размышлял о том, что бы такого еще поручить юнцу Чвату, дабы тот не мешался ему под ногами до конца дня. Хорошо, что Фиц напомнил ему о скором Дне Ола, ведь из-за своего сумасшедшего графика Харш совершенно потерялся в датах.

Именно в первую субботу сентября, названную впоследствии Днем Ола, пять сотен лет назад Великий Ол выкопал из недр земли белое сердце Граффеории – Белый аурум. Своей находкой Великий Ол одарил граффов восемью дарами и обрек их на вечные чудеса. Белый аурум он поместил на зорком поле – месте, откуда и был выкопан чудородный камень. Для этой цели на зорком поле Великий Ол построил восхитительной красоты дворец, нарекаемый Мартовским, в честь месяца рождения великого первооткрывателя. По сей день Белый аурум томится в просторной галерее дворца, и по сей день граффы ежегодно отмечают знаменательный для

них день.

В этом году главный праздник Граффеории организаторы обещали отметить с размахом. Несмотря на то, что Ид Харш не претендовал на звание главного поборника граффеорских традиций, День Ола он любил. В детстве он приходил на фонтанную площадь с мамой и отчимом, они втроем смотрели шоу иллюзионистов и объедались сахарной ватой; в юности он приходил с Фицем, вместе они бегали по площади, разгоняли голубей и неопытных эфемеров; а во взрослом возрасте приходил один, чтобы вспомнить давно минувшее детство. И послезавтра пойдет, только теперь не на площадь, а в сам дворец, в качестве особого гостя. Ида Харша пригласили на ковровый прием, как и еще сотню граффов, которые блеснули своими заслугами перед страной.

– Вот шуму-то устроили по поводу Дня Ола, – продолжал болтать Фиц, когда они вышли наружу. – Поговаривают, что иллюзионисты на расходы не поскупились и подготовили нечто особенное. Хочешь знать мое мнение? У иллюзионистов этих губа-то не дура. Если бы мне платили столько же, сколько платят им, я бы тоже старался. А ты, Ид, как, предвкушаешь их шоу?

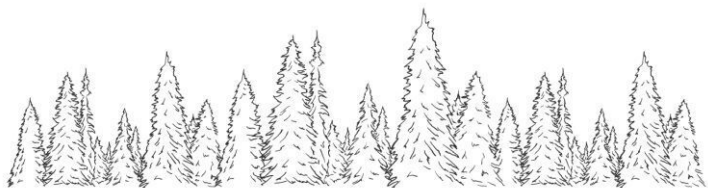
– Я предвкушаю отдых, Фиц, – сказал Харш чистойшую правду. – А до королевских иллюзионистов и их фокусов мне дела нет.

На изумрудные рукава шинели капнула вода. Подняв голову, Харш увидел, как над Граффеорией бродят серые ту-

чи. Он поднял воротник, кивнул Фицу в сторону проспекта, и граффы устремились к стоявшему на остановке трамваю.

Глава 4

Коллекционер и другие сложности

После полудня столицу Граффеории настиг дождь. «Чешуйки дракона» приняли на себя весь удар – с характерным звуком учащенной дробы по крышам хлестало не переставая. До полудня Ирвелин Баулин успела прогуляться по королевской площади, пройтись по мостовым и улице Сытых голубей – улице ресторанов, где круглые сутки витали ароматы пирогов и жареной рыбы, – и забежать на почту. Не прошло и суток, как Ирвелин вернулась в Граффеорию, а Агата Баулин уже выслала дочери первое письмо.

О преимуществах ипостаси отражателя исписано много страниц. Одно из этих преимуществ пришлось Ирвелин как раз кстати, когда ровно в полдень, забрав письмо, она вышла из здания почты под проливной дождь. Встав на крыльце в окружении других графов, Ирвелин прикрыла глаза и

хорошенько сконцентрировалась. Вскоре она ощутила, как прямо над ее головой возник щит. Невидимый, как стекло, и прочный, как железо, щит был своеобразным зонтом, который мог противостоять и дождю, и ветру. Вступив на влажную брусчатку, Ирвелин побежала на Робеспьеровскую под завидующие взгляды граффов с другими ипостасями. В парадную дома она вступила пусть и сухой, но изрядно озябшей: от холода отражательные щиты не защищали – пункт номер два в перечне их недостатков.

В гостинной Ирвелин с нетерпением принялась за письмо. Вскрывая коричневый конверт, она уже начала умиляться маминой чувствительности, однако прочитав записку, которая оказалась до безобразия короткой, лишь нахмурила от обиды брови и кинула письмо под стол.

«Моя милая Ирвелин! Не забудь связаться с господином Дугли Дуглиффом. С любовью, твоя мама».

Дугли Дуглифф, столь любезно упомянутый в письме, был заведующим в театре комедии и хорошим знакомым Агаты Баулин. По мнению госпожи Баулин, звонок этому граффу откроет для Ирвелин небывалые перспективы – карьере младшего пианиста в оркестровой яме театра.

В планах Ирвелин действительно маячил поиск работы. Ее накопления пока надежно позвякивали в рюкзаке, но, по мрачным законам этой вселенной, над которыми даже Граффеория не властна, наступит день, когда ее накопления закончатся. Если Ирвелин не хочет сидеть на пронизанных

ветром бульварах и просить милостыню (а она не хочет), то в ближайшие недели ей нужно будет куда-нибудь устроиться. Только вот перспектива быть пианистом в оркестровой яме была сравнима для Ирвелин с настоящей ямой. Она не командный игрок, в ансамблях Ирвелин играла из рук вон плохо. Она – творец-одиночка, не считающий нужным согласовывать свой ритм с кем-либо еще. Поэтому звонок Дугли Дуглиффу откладывался на неопределенный срок, а любовное письмо госпожи Баулин, которая прекрасно знала о нелюбви дочери к игре в оркестрах, отправилось в мусорку.

Вечером того же дня Ирвелин устроилась в горчичном кресле со сборником прелюдий в руках. За окном лил дождь и пускал по стеклам причудливые ручейки. Гостиная была наполнена теплым светом абажура на восточный манер. Никто и ничто не могло отвлечь Ирвелин от прелестей ее уединения. Никто и ничто...

В дверь постучали. Не успела Ирвелин сообразить, что стучат в ее квартиру, как следом за одиноким стуком последовали торопливые постукивания. «Не буду открывать, – решила она. – Пусть думают, что здесь никого нет. Как невежливо вот так ломиться посреди вечера!»

Стук не прекращался. Ирвелин поглубже просела в кресло и упрямо избегала взглядом прихожую. Стук участился. Еще немного, и эти невежи выбьют ей дверь!

Будто бы услышав ее мысли, незнакомец перестал ломиться. Ирвелин встряхнула ноты и выдохнула. Усевшись по-

удобнее, она возобновила просмотр...

Визг звонка, последующего за тишиной, чуть не оглушил ее. Возмущенная столь бестактным поведением, Ирвелин отложила сборники и обогнула гостиную. Она резко распахнула дверь и открыла было рот, но слова возмущения застыли в ее горле, когда перед собой она увидела невысокую блондинку с букетом оранжевых цветов наперевес.

– Наконец-то! Я уже подумала, что вы спите.

– Вы кто? – грубо спросила Ирвелин.

Ей показалось, что огромная копна белокурых кудряшек полностью перегородила парадную. В щелке, которую оставляли непослушные волосы незнакомки, Ирвелин разглядела блестящие светлые глаза; далеко посаженные друг от друга, в компании с бесцветными бровями глаза придавали Мирамис Шаас поразительное сходство с инопланетянкой.

– Меня зовут Мира. Я – ваша соседка с первого этажа. Привет!

Ее речь была торопливой и скомканной, словно произнесенные слова были настолько очевидными, что особого внимания и не требовали.

– Чем могу вам помочь?

– Я пришла поздравить вас, Ирвелин, с переездом в наш дом, – затараторила Мира. – И вручить цветы. Вот, это ранункулюсы. – Она всунула в руки Ирвелин букет. – Мне Август рассказал о вас. Он говорит, что вы орешек крепкий. У нас сегодня светский четверг, на этот раз у Филиппа. Пригла-

шаем вас присоединиться. У Филиппа, разумеется, и крошки хлеба не отыщешь, зато вода и чай в изобилии. Ох, и да, как раз сегодня он завершил работу над одной крупной иллюзией. – Кудряшки блондинки прыгали в такт с ее безудержной речью. – Филипп по ипостаси иллюзионист, но вам это вроде бы известно? Он говорил, вы знакомы. Знакомы ведь, да? Ну вот. Вы пойдете в этом халате?

Этой девушки было слишком много для такого тесного помещения, как парадная дома 15/2. Слишком много.

– Я никуда не пойду, – сказала Ирвелин, что в сравнении со словами Миры прозвучало как ход загруженного паровоза.

Ответ последовал стремительно:

– Почему же?

– В такой поздний час я предпочитаю находиться дома.

– Ах какая чепуха! – Мира махнула рукой. – Когда же еще проживать эту жизнь, как не в поздний час?

Ирвелин решила оставить спорный вопрос Миры без ответа, подозревая, что мнения на этот счет у них были разные.

– Спасибо за цветы. И хорошего вечера. – После этих слов Ирвелин потянула на себя дверь, но Мира самым неподобающим образом помешала ей, подставив внизу ногу, одетую в ярко-голубую туфлю.

– Ирвелин, вы даже представить себе не можете, насколько иллюзия Филиппа прекрасна! Вы любите иллюзии?

«Здесь, на Робеспьеровской, все такие настырные?» –

негодовала про себя Ирвелин, тщетно пытаясь закрыть дверь. Мира делала вид, что не замечала ее попыток.

– Август сказал, что вы отражатель. Как интересно! А я – штурвал. Всю жизнь я мечтала стать иллюзионистом, но увы... В последнее время на моем пути встречается столько штурвалов, кошмар! Совсем не чувствую себя особенной.

Она махнула рукой, и дверь откинулась обратно к стене, да так резко, что Ирвелин еле удержала равновесие и подаренные ранункулюсы.

– Дело в том, – продолжала Мира, – что мы с Августом поспорили. Он говорит, что я не смогу уговорить вас прийти к нам. Я же убеждена, что смогу. Буду вам весьма признательна, если вы поможете мне выиграть этот спор. На кону десять рей. К тому же Август становится страшно противным, когда побеждает. Примем это за женскую солидарность. По рукам?

Ирвелин смотрела на блондинку и изумлялась: как та могла произносить так много слов и так быстро?

– Я не могу вам помочь, – отрезала она.

Мира склонила голову, отчего ее кудряшки съехали и открыли белую шею:

– Вы определенно не человек-губка.

Ирвелин одним взглядом выдала свое замешательство.

– Человек-губка! – повторила Мира, удивляясь, как можно не знать таких элементарных терминов. – Человек как губка – мягкий и податливый. От таких можно добиться чего

угодно. А вы, Ирвелин, не человек-губка.

– Это разве плохо?

– Ну вот, у нас уже начинается диалог.

Еще долгих и мучительных десять минут Мирамис Шаас уговаривала Ирвелин пойти к Филиппу Кроунроулу. Ирвелин упиралась как могла и давно бы распрощалась с наглой Мирой, если бы не дверь, которую та все еще удерживала даром штурвала.

Сдалась Ирвелин после того, как Мира сообщила ей о склонности их общего соседа господина Сколоводаля к дебоширству. Он, говорила Мира, за несогласованное собрание в парадной может и кипятком облить. Не то чтобы Ирвелин испугалась этого господина Сколоводаля, о котором она знала уже больше, чем о ком-либо другом в Граффеории. Просто сопротивляться напору этой соседки с каждой новой минутой ей было все труднее.

Когда девушки поднялись на четвертый этаж, Мира с уверенностью быка ворвалась в квартиру под номером одиннадцать. Дверь, по всей видимости, была не заперта. Ирвелин осторожно прикрыла за собой дверь и засемила следом.

Хоть она и знала Филиппа Кроунроула, но в гостях у него никогда не была. Вместо прихожей – длинный коридор с запертыми комнатами по обе стороны. На стенах мерцали домашние бра, звуки шагов заглушал мягкий ковер. Мира вбежала в крайнюю дверь справа, Ирвелин послушно последовала за ней, размышляя при этом, во сколько ей надобно вер-

нуться домой, чтобы успеть проиграть парочку новых прелюдий.

– Эй, Ирвелин! Заходите сюда!

И Ирвелин вошла, после чего ей пришлось напрочь позабыть о своих прелюдиях.

Очутилась она в комнате справедливо необычной. Перед ней раскинулась большая библиотека – огромная библиотека, бескрайние стеллажи которой увязали в густом лесу.

Дверь, из которой шагнула Ирвелин, выходила на центральный проход между двумя длинными очередями из стеллажей. Чем глубже стеллажи уходили вдаль – тем дремучей был лес. Книжные полки проходили сквозь толстые стволы дуба, чьи размашистые ветви заполняли собой все вокруг. Паутинообразные корни переплетались между собой, как рождественские гирлянды, смотанные на скорую руку, и занимали все нижние полки; сквозь корни виднелись стопки из корешков книг. Освещалась библиотека лишь тусклым светом от напольных фонарей, обросших пожелтевшим мхом. Тусклый свет легкой дымкой освещал и мансардный потолок, по темным стеклам которого молотил дождь. И здесь, в этой библиотеке, будто сошедшей со страниц детской сказки, нашли свое прибежище тысячи книг и фолиантов.

Разумеется, это была иллюзия. Иллюзия впечатляющих масштабов. Какое-то время Ирвелин не двигалась и жадно смотрела на раскинутое перед ней зрелище. Этот иллюзор-

ный лес был неотличим от настоящего, если не брать во внимание паркет вместо земли и мансардный потолок вместо неба. С трудом вырвавшись из оцепенения, Ирвелин услышала голоса Миры и Августа. Оба граффа сидели в нише справа, где был расположен целый альянс из мягкой мебели и низких столиков, а завершал альянс старинный швейный станок, который Август варварски использовал в качестве вешалки для куртки.

– Куда подевался Филипп? – спросила Мира, откинувшись на подушки.

– Отошел в другую комнату, какие-то важные дела по работе, – ответил Август, который сидел как надутый вельможа, с поднятыми на стол ногами и раскинутыми по бокам руками. – Ирвелин, приветствую! – Он почтительно кивнул ей и повернулся к блондинке: – Мира, в глубине своей души я знал, что ты не подведешь. В далекой-далекой глубине.

– Хватит болтать, Ческоль. С тебя десять рей. – Мира вытянула ладонь.

– Мы разве на десять рей спорили? Не на пять?..

Ирвелин отвернулась от них. Сгорая от желания рассмотреть поближе библиотеку, девушка зашагала по центральному проходу. Она проходила ряд за рядом и ловила взглядом все вокруг: деревянные приставные лестницы, крученые вензеля на торце стеллажей, иллюзорные листья, раскинутые поперек полок. В конце третьего ряда, по левой стене библиотеки, она увидела большой питьевой фонтан. Выполнен-

ный из природного камня, фонтан журчал водой, которую выплевывала каменная голова усатого мудреца. Сразу так и не поймешь – иллюзорный был фонтан или настоящий?

Ирвелин прошла в следующий ряд. Несколько стеллажей здесь изрядно прогнулись под грузом зеленых крон, однако полки продолжали стойко выполнять свою миссию: оберегать истории, закупоренные в ветхую оболочку из страниц и переплетов. Ирвелин остановилась и начала всматриваться в сами книги.

Здесь были и потрепанные экземпляры, со стертыми обложками и торчащими из-под швов нитками, и совсем свежие издания, с перламутровым блеском и рисунками. Подойдя ближе, Ирвелин пробежалась по названиям. Каких только книг и сочинений здесь не было! Бессмертная классика и томики со стихами, книги по кулинарии, по вокальному мастерству, даже энциклопедия по вышиванию в трех томах. Ниже, под энциклопедией, стоял прикладной учебник для иллюзионистов с крайне поэтичным названием – «Художники, краски которых – весь мир», а справа Ирвелин заметила увесистый фолиант. Его, право, сложно было бы не заметить. Корешок книги был таким толстым, что с легкостью смог бы уместить в себе по меньшей мере пять обычных книг. «История Граффеории: правда и то, что за нее выдают».

Ирвелин слышала об этой книге – рукопись, пережившая в свое время бурю из критики. По слухам, в ней подвергались сомнению многие факты из общепринятой истории

королевства, а автору книги, Феоктисту Золлу, даже пришлось бежать из Граффеории, чтобы обеспечить себе нормальную жизнь вдали от преследований. Потратив на размышления не больше дюжины секунд, Ирвелин вытащила бордовый фолиант из тесных объятий других книг.

– Выбрала себе чтение?

От неожиданности Ирвелин чуть не выронила книгу. Она обернулась. В начале ряда стоял не кто иной, как Филипп Кроунроул, и наблюдал за ней. Ирвелин тотчас узнала его, хоть внешность Филиппа под гнетом времени сильно изменилась. Вместо непоседливого мальчишки с грязными коленками перед ней стоял статный графф в рубашке и брюках; на его лоб аккуратными прядями ниспадали черные волосы. Личина истинного интеллигента, руки которого, как и полагается в высоких кругах, были укромно спрятаны в карманах. На его фоне Ирвелин, облаченная в домашний халат, выглядела весьма комично.

– Считаю себя обязанным предупредить, что книгу ты выбрала не для легкого чтения, – сказал Филипп, зашагав к ней. – У этой вещицы спорная репутация, но я, безусловно, отношу себя к ее немногочисленным поклонникам.

Голос его был низким и певучим. Размеренный слог так бережно ложился на слух, что Ирвелин невольно порадовалась, что среди ее соседей все же есть человек со спокойным нравом.

– Я слышала об этой книге, – произнесла она, в который

раз позабыв о приветствии. Похоже, куда больше ее взволновала книга, чем встреча со старым приятелем. – Мой отец рассказывал о ней. Настоящая редкость.

– Верно, – сказал Филипп и остановился в паре метров от Ирвелин. – В 1929 году из типографии было выпущено всего двадцать экземпляров. Этот экземпляр достался мне по наследству, от деда.

Когда Филипп Кроунроул подошел ближе, тусклый луч света упал прямо на его лицо. Несводимый прищур подчеркивал яркую синеву глаз; когда-то круглые щеки превратились в угловатые скулы. Но, прежде чем заметить все это, взгляд Ирвелин остановился на самой середине его лица. Нос Филиппа, очевидно, был сломан. Неестественность его формы резко выделялась на строгом лице.

– Я могу одолжить эту книгу на время? Почитать, – спросила Ирвелин, стараясь больше не смотреть на его кривой нос.

Филипп кивнул, как кивают короли, медленно и значительно.

– Август говорил мне, что ты вернулась жить в Графферию. Одна или с родителями?

– Одна, – ответила Ирвелин. – Мои родители остались за границей.

– Почему же? – Она отвела взгляд, давая понять, что говорить на эту тему ей не хотелось. – Что ж, я рад тебя снова увидеть, Ирвелин. – Филипп улыбнулся, отчего его нос

сильнее исказился.

– Я тоже рада. Красивая у тебя библиотека.

– А, благодарю. – Он оглядел стеллажи придирчивым взором. – Мне предстоит еще много работы. В пятом ряду один упрямый бук, тот, что самый высокий, все время просвечивает. Никак не могу с ним совладать...

– Эй! Филипп, Ирвелин, вы где там? Мы начинаем без вас!

Голос Августа разнесся по всей библиотеке.

– Я так понимаю, – сказал ей Филипп, – с Мирой и Августом ты уже знакома? – Ирвелин молча кивнула, но от внимания Филиппа не ускользнуло кислое выражение на ее лице, и он добавил с деликатной усмешкой: – Когда узнаешь их поближе, они тебе понравятся. К тому же они куда приятнее, когда сытые. Пойдем.

Ирвелин вернулась в переднюю часть библиотеки в обнимку с книгой Феоктиста Золлы. Мира бренчала посудой, а Август сидел в прежней позе и не подумав убрать со стола ноги.

– Филипп, – начала Мира, заметив их приближение, – чем ты здесь питаешься, позволь узнать? Книжными червями? На твоей кухне нет ни грамма съестного! – Ответа на свой вопрос дожидаться Мира не собиралась и торопливо прибавила: – Я набрала чашек и ложек, сняла с плиты чайник и – что за приятная неожиданность! – обнаружила в твоём холодильнике еще не прокисшее молоко!

Она помахала перед ними крохотным молочником и принялась разливать чай. Ирвелин присела на край свободного кресла, Филипп уместился рядом с Мирой.

– У нас тут спор возник, – отозвался Август, взлохмачивая себе волосы.

– Опять? – Филипп приподнял брови. – Не пора ли вам заканчивать с этим?

– Это скучный спор, без участия денег, – улыбнулся Август.

– И какова же суть вашего скучного спора?

– Вот скажи, Филипп, какая ипостась появилась раньше – штурвал или левитант?

– Неужели не знаете?

Август ни капли не смутился.

– Я уверен, что первыми были левитанты, а Мира утверждает, что штурвалы.

– Как я удивлен, учитывая, что ты – левитант, а Мира – штурвал, – сказал Филипп, отпивая из своей чашки.

– Ну все же – кто первее? – вмешалась Мира.

Иллюзионист посмотрел на них с покорной снисходительностью, а после повернулся к Ирвелин, которая сидела отстраненно и неподвижно, не выпуская из рук книгу.

– Есть у меня одна книга подходящая. – Он попросил у Ирвелин «Историю Граффеории», взял тяжелый манускрипт в руки и стал перебирать страницы. – Надеюсь, все знают легенду о грифонах?

Мира и Ирвелин кивнули.

– Мы в Граффеории живем, дружище, – с ехидством вставил Август. – Конечно знаем.

– Однако спорите на такие простые темы, как ипостаси, – сказал Филлип. – Слушайте.

Он раскрыл книгу в самом начале и принялся за чтение. Мира уместилась на подушках с чашкой в руках и, сбросив туфли, поджала под себя ноги, а Ирвелин, потеряв опору в виде огромной книги, глубже просела в кресле.

«Грифон – покровитель граффов. Мифическое существо с головой орла и телом льва; воздух и земля, соединенные воедино. Символ великой силы, скорости и ума. По легенде, в эпоху древности грифоны проживали на территории, именуемой сейчас Граффеорией. Крылатые существа защищали людей, выступали хранителями их сокровищ и драгоценных камней. Стражи древнего мира, дарующие всему живому чистоту и золотой свет.

На рубеже эпох, перед тем как навсегда покинуть землю, последние из грифонов передали свои дары одинокому белому камню, лежащему на краю обрыва в горном хребте Дюр. Камень принял дары, а после на тысячу лет затерялся среди горных озер, рек и болот, пока однажды любознательный графф по имени Ноормант Ол не нашел его в земном покрове и не выпустил дары грифонов на свободу.

Дар силы перешел итурвалам,

Дар скорости – эфемерам.

*Могуч в полетах стал левитант,
Обладателем острого ума – телепат».*

– Четыре дара? А остальные? – удивилась Мира.

– В Средние века ипостасей было всего четыре, – сообщил Филипп, поднимая голову от страниц. – Их еще называют «чистыми дарами грифона». С ходом времени появились и другие. Своеобразная эволюция.

– А когда появились первые отражатели? – подала голос Ирвелин. Легенду о грифонах она знала, не единожды слушала ее в интерпретации отца. Но о позднем появлении отражателей слышала впервые.

Филипп сверился с верхним абзацем и произнес:

– Следующими за первой четверкой появились материализаторы – в XVII веке, потом – кукловоды, XVIII век. Первый иллюзионист родился в начале XIX столетия, а отражатели появились в конце.

– Отражатели появились последними?

– Согласно хронике тех веков – да, документальное подтверждение новой ипостаси стоит на конец XIX века. Но я читал теорию, что поначалу отражателей могли принимать за материализаторов, которые слабо владели своим навыком – создавали только невидимую материю, а видимую создать не могли.

– Отражательные барьеры – это не материя, – поправила Ирвелин чересчур взыскательно.

– Да, Ирвелин, знаю. Я всего лишь передаю прочитанное.

Повисла пауза. Неуютно стало всем. Ирвелин уже хотела выдумать причину, по которой ей нужно было срочно уйти, но пока она выдумывала, дело в свои руки взял Август. Он скинул ноги со стола и выпрямил спину.

– Сегодня на светском четверге у нас новый гость! – объявил он, словно кто-то до сих пор мог не заметить Ирвелин. – Думаю, каждому из нас стоит рассказать немного о себе. Кто начнет? – Он закрутил головой, но остальные глядели на него без ожидаемого ажиотажа. – Значит, начну я.

Август Ческоль представился человеком незаурядным. Сам себя он называл беспечным путешественником. Вместо домашней жизни он сделал выбор в пользу ветреных улиц, случайных заработков и рассветов на влажных лужайках. Последние несколько лет Август посвятил путешествиям, странствуя по уголкам просторной Граффеории. Он ночевал в палатках, бродил среди нескончаемой листвы, пил из ближайшей колонки. На востоке Август облетал горы, на западе – сосновые леса; в обед он кружился над крапивным озером, а к ночи приземлялся у гостиницы приозерного Клекота. В жизни Августа редко выдавался случай, когда он мог спланировать свой день. Как правило, его день планирует себя сам и заранее ему ничего не сообщает: с наступлением утра Август просыпается и идет, куда глаза глядят, а при случае, когда затылок глядит настойчивее, – разворачивается.

– Меня вырастили бабушка с дедушкой. Мы жили в гор-

ной деревушке, в Олоправдэле, все детство я провел там. Вокруг меня постоянно были Дюры, поля да упитанные коровы. Когда мне исполнилось одиннадцать, бабушка стал брать меня в небольшие поездки. К слову сказать, стремление к путешествиям у меня от него. Где они с бабушкой сейчас – не имею и малейшего представления. Наверное, плескаются где-нибудь в волнах лиссабонской ривьеры, бабушка давно хотела там побывать.

Жизнь Августа взволновала Ирвелин, страстного почитателя всякого вида историй.

– Ты путешествуешь в одиночестве? – спросила она.

Левитант задумался, почесывая свою русую шевелюру.

– Верного спутника у меня нет, это правда, однако сложно вообразить, с каким количеством граффов мне приходится знакомиться во время странствий. Скажу так: жаловаться на нехватку общения у меня причин нет. Я не одинок.

– У Августа такая насыщенная жизнь, что порой на светских четвергах мы с Филиппом кукуем вдвоем, – проворчала Мира.

– За этим и гонка, госпожа Шаас. За непредсказуемостью. – В глазах Августа появился лукавый блеск. – Религия моего деда, которую он тщательно вложил в своего внука, такова: раз уж вышел прогуляться, ступай до соседнего города. – Август снова раскинул по сторонам руки. – Теперь твоя очередь, Мира.

Мирамис Шаас была не только взбалмошным граффом,

но и талантливым флористом. «Это когда с цветами работают», – вставил лишний комментарий Август: Ирвелин знала, кто такие флористы.

Вся семья Миры – мать и свора племянников – жила в Прифьювурге, промышленном городе на севере Граффео-рии. В столицу Мира переехала три года назад, в канун Нового года, и с тех пор в ее жизни появились цветы.

– Вместо нормальной квартиры у меня мастерская, там у меня вечный бардак. Приходится довольствоваться малым, раскошелиться на лавку на Скользком бульваре я пока не могу. Но это пока. – Она горделиво приподняла подбородок. – Сегодня, например, я всю ночь проработала в восточном саду, меня приняли в команду флористов по облагораживанию садов ко Дню Ола. Но большую часть времени работаю я одна. С этого года, правда, у меня появились две помощницы, близняшки. Они иногда выручают меня на крупных заказах, и обе безответно влюблены в Августа.

– Поэтому я редкий гость в твоей мастерской, – через стол подмигнул ей Август.

– Ты редкий гость в моей мастерской, потому что постоянно где-то летаешь.

На миг задумавшись, левитант отмахнулся:

– Твоя правда.

– По ипостаси я штурвал, – продолжала Мира. – Всегда мечтала быть иллюзионистом, но Белый аурум решил не в пользу моих желаний.

– Мира, имей в виду, – отозвался Филипп, – по результатам соцопроса наиболее удовлетворены своей жизнью именно штурвалы. И успешных штурвалов куда больше, чем иллюзионистов.

Мира только пожала плечами.

– Скажи это моей маме. Она постоянно твердит, что дар штурвала – для ленивых, – сказала она. И, лежа на подушках, взмахом руки придвинула к себе сахарницу, а при следующем взмахе закинула один кубик себе в чашку.

– Твоя мама, разумеется, совсем не права, – наблюдая за ее действиями, вставил Август.

Ирвелин и не заметила, как с головой ушла в истории этих незнакомцев. Август раздражал уже меньше, а Мира, на удивление, представилась персоной довольно деятельной и творческой, однако нравилась ли она ей, Ирвелин пока не понимала. Филипп, как самый немногословный из троих новых знакомых, наблюдал за Мирой и Августом, как отец наблюдает за проказами своих детей – с участием и легкой иронией. Он с достоинством пил чай и лишь иногда вставлял свой краткий слог.

– Ирвелин, теперь ты. Скажи, почему вы решили уехать из Граффеории? – поинтересовался Август.

И тогда Ирвелин осознала, что уже давно никому и ничего о себе не рассказывала. Да и не знала она, что именно рассказывать. До сих пор ее жизнь была блеклой, как небо в пасмурную погоду, до тошноты упорядоченной и скучной. Вер-

нулась она в Граффеорию лишь для того, чтобы снова вдохнуть полной грудью, почувствовать настоящую, свою жизнь, а не то подобие, что находилось в ее распоряжении последние тринадцать лет. Вопрос Августа она решила проигнорировать.

– С малых лет я играю на пианино. Не помню время, когда не играла. Мама даже сказала однажды, что клавиши – продолжение моих пальцев.

– А кто твои родители по ипостаси? – спросила Мира.

– Мама – левитант, а папа – материализатор. Он ученый. Когда мы жили в Граффеории, у него была своя маленькая лаборатория на Скольском бульваре, недалеко от «Эликсироварни Боуба».

– Почему все-таки вы уехали? – настаивал Август.

Ирвелин отвела взгляд к иллюзорному лесу и, поразмыслив немного, пояснила:

– Из-за папиной работы. Он должен был уехать, и мы уехали вместе с ним.

Ирвелин избегала их лиц и сидела для расслабленного человека слишком ровно. Август умолк, а Мира, вскочив с подушек, переметнулась на Филиппа.

– Пришло время для признаний, господин Кроунроул! – Филипп ответил ей немой полуулыбкой, и тогда Мира повернулась к Ирвелин: – Видишь ли, Ирвелин, уже три года я общаюсь с этим чопорным брюнетом, а чем он занимается на своей работе – до сих пор не знаю.

Ирвелин приняла Мирины слова за шутку, а потому ждала продолжения. Только его не последовало – Мира вместе с Августом как собаки в ожидании косточки глядели на Филиппа. Тот, почесав сломанный нос, обреченно вздохнул:

– Я подписал документ о неразглашении. Я не имею права вам сказать. И скоро мне надоест это повторять.

– Ничего-ничего, кое о чем мы догадываемся. – Мира обратилась к Ирвелин, заговорщически шепча: – У него есть проходные билеты в Мартовский дворец на День Ола. На ковровый прием для высокопоставленных лиц. Высокопоставленных! Небось прислуживает тайным советником у самого короля.

– Я не тайный советник, – спокойно отметил Филипп. – И предлагаю сменить тему, а то весь остаток вечера Мира будет высасывать мою кровь.

– А откуда ты берешь все эти книги? – спросила Ирвелин у Филиппа, не особо заинтересовавшись его тайным ремеслом.

– Некоторые покупаю, а остальные попадают сюда из самых разных мест. Часть я увез из родового поместья, а часть мне подарили. К примеру, почти весь левый передний стеллаж достался мне от пожилой семьи с третьего этажа. Им так понравилась моя библиотека, что они решили отдать сюда на хранение всю свою книжную коллекцию. Говорят, здесь их книгам будет комфортнее, чем на задворках их старых шифоньеров.

Ирвелин вернулась вниманием к библиотеке, которая раскинулась перед ними сказочной панорамой. Действительно, все эти книги, как старички, проживающие свою пенсию в престижной гостинице.

– Вы на День Ола идете? – резко спросила Мира, чем поймала осуждающие взгляды остальных. – Что?! От книг меня в сон клонит, а День Ола уже послезавтра.

Получив три утвердительных ответа, Мира успокоилась.

– Замечательно! – Она хлопнула в ладоши. – Не знаю, Филипп, как тебе удалось достать билеты на такой прием, но благодаря тебе я наконец-таки смогу надеть на себя что-то помимо рабочего фартука. И ты, Филипп, вроде бы впервые идешь на День Ола? С чем же связана столь резкая перемена твоего отношения? Неважно! Чудесно, что все мы идем! Слышала от одной своей клиентки, что на шоу иллюзионистов будут горные пещеры. А! И что король облачится в наряд, в котором был сам Великий Ол, когда выкапывал белый камень...

– Ересь какая, – не сдержал смеха Август.

Мира вздернула нос:

– Посмотрим, что вы скажете, господин Ческоль, когда увидите Ноорманта Третьего в облегающей тунике и чепчике.

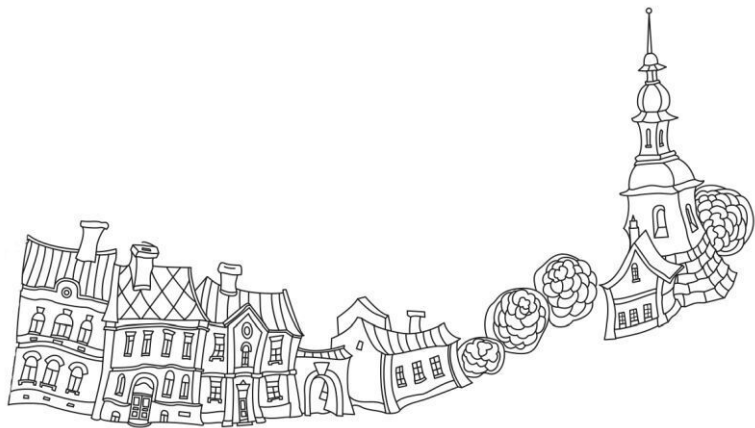
Следующую четверть часа Мира рассказывала обо всех мероприятиях, которые готовились в королевстве в преддверии Дня Ола. Ирвелин стала слушать вполуха – Филипп вер-

нул ей в руки бордовый фолиант Феоктиста Золлы, и она принялась осматривать ветхие страницы. Узнал бы отец, что именно она держала сейчас в руках, – ни в жизнь бы не поверил.

Спустя полдюжины перебранок Миры и Августа первый светский четверг Ирвелин подошел к концу. Граффы скопом засеменили к выходу. Пока Мира все еще о чем-то болтала, Ирвелин выскочила в парадную и побежала по лестнице. Когда она вернулась в свое любимое горчичное кресло, чуть не раздавив на радостях свои сборники нот, до нее, наконец, дошло, что попрощаться с соседями она забыла.

Глава 5

День Ола

В субботу Ирвелин вышла на Робеспьеровскую ровно в четыре часа дня. По улице сновали вереницы из граффов, которые спешили к фонтанной площади. По случаю Дня Ола Ирвелин принарядилась в юбку три четверти и светлую блузку с жабо – подарок ее матери в честь переезда. Принарядилась, но уже успела пожалеть об этом: кружевные оборки доставали ей до самого подбородка и от порывов ветра неприятно щекотали. Прикинув все за и против, она решила вернуться домой и переодеться, развернулась – и в дверях

столкнулась с Филиппом.

– С днем великого свершения, – поприветствовал он ее.

– С днем великого свершения, – кивнула Ирвелин, возвращаясь на прежнее место, чтобы пропустить Филиппа.

– Вижу, граффы на подходе, – сказал он, оглядывая ожившую улицу. На нем были свободный серый костюм и ботинки с острым носом. Выглядел он как человек, отправляющийся на службу, а не на эпохальное пиршество.

Вспомнив о своих щекочущих оборках, Ирвелин снова подошла к двери, но и вторая ее попытка вернуться домой успехом не обернулась. Следом за Филиппом из парадной вышли Август и Мира.

– С днем великого свершения, дорогая Граффеория! – крикнул Август на всю Робеспьеровскую. Некоторые из проходивших мимо граффов ответили ему аплодисментами, тогда как Ирвелин и Мира второпях зажали уши.

Август Ческоль облачился в национальный синий мундир с шитьем из кованого серебра. Мундир выгодно подчеркивал вытянутый стан левитанта, а пуговицы блестели на солнце так, что ослепляли всякого, кто решит ими полюбоваться.

– Когда-нибудь я привыкну к твоим выходкам, Август, – буркнула Мира, убирая руки от ушей. Ее костюм лимонного цвета красиво гармонировал с пепельными волосами, которые сегодня ей удалось собрать в тугий пучок (не без участия изрядного количества липкого лака).

– Ты, я вижу, решил одеться в выходное-парадное, – про-

изнес Филипп, скептически осматривая мундир друга.

– А ты, я вижу, решил отправиться вместо дворца в бухгалтерию, – усмехнулся Август в ответ.

Они пожали друг другу руки. В этот момент Ирвелин хотела незаметно ускользнуть, но Август не преминул обратить на беглянку всеобщее внимание.

– Ирвелин, куда так спешишь? – И, не дожидаясь ответа, добавил: – Шоу иллюзионистов начнется через два часа. Предлагаю пойти по улице Доблести, по ней мы быстрее выйдем к фонтанам.

Ирвелин открыла было рот, чтобы попросить их ее не ждать, однако Мира ее опередила:

– Филипп, ты не забыл взять проходные билеты во дворец? Их на всех хватит? Превосходно. Я вчера весь день потратила на поиски этого костюма, отдала за него месячную выручку, вы можете себе представить? Опаздывать нам нельзя. Мне нужно успеть со многими познакомиться...

По мере того, как Мира болтала, ее ноги приближались к противоположной стороне улицы. Филипп, спрятав руки в карманы, последовал за ней.

– Ирвелин, ты идешь? – спросил Август и взглянул на нее тем бессовестно дерзким взглядом, который Ирвелин успела невзлюбить. Ей тоже захотелось оказаться внутри Мартовского дворца, а без Филиппа и его билетов она никак не могла туда попасть. И она поддалась, зашагав по высохшей под солнцем брусчатке и без конца поправляя мешающееся

жабо.

Мартовский дворец был окружен роем из граффов. Как пчелы на цвету, они перемещались и останавливались, перемещались и останавливались. Шаровые облака и высоченные флагштоки перегораживали вид на каменные балюстрады, и чтобы разглядеть сам дворец, Ирвелин и компании пришлось обойти фонтаны и нырнуть в общую гущу.

На площади стоял гул из тысячи голосов: счастливые граффы танцевали, пели, кружились в хороводах и заряжали в небо десятки разноцветных хлопушек; дети запускали воздушных змеев, а ветер поощрял их затею щедрыми дуновениями; юркие левитанты парили над макушками граффов и взрывали пушки с яркими конфетти. По периметру площади расположились крохотные лавочки со съестным, в которых румяные от ветра продавцы снабжали людей ароматным глинтвейном и пряниками.

От наблюдения за праздничной кутерьмой Ирвелин отвлекла женщина, которая никак не могла справиться с улетевшей наверх дочерью. Девочка лет пяти норовила улететь поближе к собратьям, другим левитантам, парящим высоко над толпой.

– Лиза, а ну живо спускайся! Ты еще мала для таких опасных полетов! – кричала женщина. Она пыталась дотянуться до сандалий девочки, но ее средний рост не позволял ей этого.

Будучи левитантом, Август взлетел и ловко ухватил де-

вочку за пятки. Девочка упрямо сопротивлялась, ускользая все выше и выше, но совместными усилиями с Филиппом им все-таки удалось поставить непослушную Лизу рядом с матерью.

– Благодарю вас, молодые люди, – запыхавшись, сказала женщина. Она цепко взяла девочку за плечи и прижала ее к своим ногам. – Месяц назад узнали, что Лиза – левитант, и с тех пор в нашей семье ни минуты покоя. Позавчера вместе с братом снимали ее с крыши сарая, а в понедельник – с башни Утвар. Ах, лучше бы она стала отражателем!

– То ли еще будет. Меня однажды снимали с верхушки сосны, – сказал Август и незаметно подмигнул девчужке.

Компания продолжила свой путь. Съели по анисовому прянику, повели хоромы с группой эфемеров (все, кроме Миры, которая пожаловалась на узкий костюм) и к пяти вышли к высокой кованой ограде.

Ирвелин подняла взгляд, и весь прежний гул как будто замер. Перед ней во всем своем великолепии стоял Мартовский дворец. Творение восьми граффов далекой эпохи Средневековья. Центральный павильон был увенчан куполом, возносившим к небу стройный флагшток; огороженные балюстрадой арочные окна украшали своей роскошью весь передний фасад, а песочный цвет дворца придавал ему вид богатого странника, заплутавшего в недрах песчаных барханов. «Вблизи он еще прекрасней, чем издалека», – заключила Ирвелин, разглядывая просторные балконы.

– Неужели сейчас я войду в сам Мартовский дворец, – взволнованно произнесла Мира, и Ирвелин разделяла ее волнение, с трепетом коснувшись кованых прутьев.

У ворот они заметили пропускной пункт без очередей и направились напрямик к нему. Стражник в развевающемся желтом плаще проверил протянутые Филиппом билеты, отточенным движением прокомпостировал их и впустил четверых гостей на территорию дворца, а оттуда – во внутренние убранства. За спиной закрылись тяжелые двери, и шум от уличной суматохи сменился на изумительной красоты музыке.

Ирвелин осмотрелась. Она стояла в просторном вестибюле, по шахматному полу которого ходили оранжевые блики. По обе стороны возвышались широкие лестницы с масляными перилами. Сверху доносились голоса.

– Добро пожаловать в Мартовский дворец, господа граффы. Прошу, следуйте за мной в галерейный зал.

В лучших традициях господских домов в вестибюле их встречал напوماженный лакей: черный фрак, укладка, приветливая улыбка и отполированные до блеска манеры.

– Чувствую себя как та герцогиня из повести, которую ежедневно сопровождали на завтрак полтысячи придворных, – шепнула Мира Филиппу, когда они поднимались за лакеем по мраморным ступеням лестницы.

– У нас-то лакей всего один, – шепнул в ответ Филипп.

– Знаю. Но ощущения те же.

– Господин Кроунроул!

Не прошло и пары секунд их пребывания на ковровом приеме, как к ним уже подошел статный на вид джентльмен. Его черная трость доставала ему до плеча, отчего мужчина казался ниже ростом. Расплывшись в улыбке, он с воодушевлением пожал Филиппу руку.

– Альвэ, сколько раз мне нужно просить вас называть меня Филиппом?

– Ни в коем случае, мой друг, ни в коем случае! Вы достойны только такого обращения, – декларировал он с высоко поднятым подбородком. – О, вы привели друзей! – Мужчина обвел всех взглядом, полным почтения. – Приятно познакомиться. Меня зовут Альвэ Темигров, я к вашим услугам. С днем великого свершения!

Отойдя от Филиппа, он принялся пожимать руку каждому, начиная с Августа, который счел нужным низко перед ним поклониться. А вот на Ирвелин мужчина ненадолго завис.

– Какие у вас очаровательные глаза, госпожа.

Ирвелин понятия не имела, как правильно реагировать на комплименты в таком обществе, и вместо благодарности она скромно пожала его руку в ответ.

– Проходите, располагайтесь, – пришел в себя графф. – Сегодня раздадут изумительные закуски – луковые тарталетки. Я уничтожил уже два десятка и планирую покуситься на них вновь, – тоном заговорщика сказал он и отошел.

До сих пор Ирвелин не понимала, на что она согласилась, ступая вместе с Филиппом по начищенному ковру. Ей хотелось лишь побывать в дворцовых залах и своими глазами увидеть Белый аурум, а общение с высшим светом в картинку сегодняшнего дня Ирвелин не вписывала. Она оглядела галерею, сотню надушенных граффов, столовое серебро на тонких столиках, и ее замкнутая душа ушла куда-то по направлению пяток. Обстановка здесь, внутри дворца, разительно отличалась от обстановки снаружи. Здесь не было ни танцев, ни хлопучек, ни глинтвейна с пряниками. На небольшой сцене, уместившейся в углу напротив створчатых окон, наряженный во фраки оркестр играл умиротворяющую музыку (ля минор, спутать было невозможно). Облаченные в свои лучшие наряды граффы медленно перемещались от одного кружка к другому, точь-в-точь как павлины, которые распустили свои пестрые хвосты и решили пройтись по владениям. С высокого потолка свисали хрустальные люстры, а стены галереи были украшены зеркалами и расписными гобеленами.

– Филипп! Неужели это вы!

К ним подплыла молодая дама в длинном сверкающем платье с бокалом шампанского в руке. От нее Ирвелин учуяла дорогой парфюм и скверный характер.

– Флоа, рад видеть вас, – кивнул в ее сторону Филипп.

– Если моя память не изменяет мне, то вы впервые удостоили чести сей светский раут. В чем же причина, позвол-

те узнать?

Дама по имени Флоа вела себя так, будто и не видела стоявших рядом Миру, Ирвелин и Августа. Все ее цепкое внимание было обращено исключительно на Филиппа, и она не заметила, как отгородила своим высоким телом прозрачную (по-видимому) Ирвелин.

– Решил проявить уважение к нашим традициям, – ответил иллюзионист.

– Правильно сделали, – улыбнулась Флоа.

Следующие несколько секунд она молча гипнотизировала Филиппа взглядом, который так явственно напомнил Ирвелин взгляд кота у ее родителей, когда тот вознамерится отобедать. Вскоре, наконец, заметив его окружение, Флоа поспешила ретироваться:

– Что ж, развлекайтесь. – Она пробежалась томными глазами по каждому. – Не рекомендую пробовать сегодняшние закуски, тарталетки. Крайне отвратительны на вкус. А вот шампанское дивное!

Двигая исключительно пальцами, она помахала им и отплыла обратно, к кружку с большим скоплением важных материализаторов.

Мира отреагировала первой:

– Филипп, что я вижу! Ты популярен здесь!

– Да уж, – присвистнул Август. – Как непривычно находиться в обществе, где все внимание удостоено не мне. – Он хлопнул приятеля по плечу, демонстрируя не то одобрение,

не то зависть.

– И вовсе я не популярен, – сказал Филипп, чуть сконфузившись. – Вы стали свидетелями проявления обычного уважения, только и всего.

– Ну да, эта фифа просто испепелила тебя уважением, – вставила Мира, а Август прыснул.

В подтверждение ее слов лично поздороваться с Филиппом и пожать ему руку подошли еще трое, чем смутили граффа еще сильнее.

– Может, здесь мы, наконец, узнаем, чем же ты занимаешься. – Мира по-хозяйски взяла Филиппа под руку, и они вместе направились вглубь галереи.

– Боюсь тебя расстроить, Мира, но беседы здесь ведутся лишь на открытые темы.

Она закатила глаза:

– Какая скука! Однако ты все равно обязан познакомить меня со всеми этими... – она задумчиво прищурилась, – нахохленными воробьями.

Филипп усмехнулся и прошептал:

– Если будешь их так называть, они обидятся и не закажут у тебя ни одного букета.

Граффы все ближе подходили к одному из беседующих кружков. Ирвелин уже хотела отойти в сторону западного крыла галереи – туда, где должны были храниться реликвии Граффеории, – но Мира, обернувшись на движение, тотчас же ухватила ее за локоть и подвела к кружку. Здесь они стали

свидетелями бурного обсуждения телепатов. Главным оратором выступал мужчина средних лет, рослый, с темными кустистыми бровями. Несмотря на то что в галерее было тепло, его плечи прикрывала изумрудная шинель. Бескомпромиссным тоном он предлагал графам взяться за ум и начать ставить на всех телепатах специальные опознавательные метки.

– Они что, бараны, запряженные в стойла? Где же ваша толерантность, Ид? – возразила ему женщина в розовом жакете и с длинной косой.

– Прошу заметить, Матильда, что среди моих друзей тоже есть телепаты, и я предлагаю эти меры отнюдь не из-за упрямого тщеславия, а в целях уважения графов с другими ипостасями. – Ид Харш обвел хмурым взглядом всех присутствующих. – Мы должны знать, если перед нами стоит телепат, и быть готовыми к прочтению наших мыслей.

Половина кружка закивала, оказывая солидарность озвученному мнению, а другая половина молча переглянулась, решив не вступать в щекотливый спор. В образовавшейся паузе женщина с длинной косой переключила внимание на только что подошедших.

– Филипп Кроунроул! – воскликнула она, и весь кружок обернулся. – Приятно видеть вас здесь! – Последовала новая волна приветствий непопулярного Филиппа. – Кто ваши спутницы? Обе прекрасные и такие разные девушки.

«Девушки»?

Ирвелин посмотрела направо, потом налево. В самом де-

ле, рядом с ними не было Августа. Пошел исправлять недо-
разумение в виде всеобщего поклонения Филиппу?

– Да, позвольте представить. Мирамис Шаас, флорист, и
Ирвелин Баулин, пианистка.

– О, вы играете? – обратилась к Ирвелин шатенка с фиал-
ковыми перьями в причёске. – И как вам сегодняшний ор-
кестр?

Весь кружок повернулся к Ирвелин. Оглядев с десятков
неизвестных лиц, девушка сглотнула:

– Музыкант на виолончели слишком торопится, бежит
впереди ритма, – ответила она с обыкновенной прямоотой,
чем спровоцировала рябь неловкого смеха.

– Прошу, не судите оркестр слишком строго, – сказала
ей все та же шатенка с перьями, не сумев скрыть личного
оскорбления ответом Ирвелин. – Этот ансамбль впервые вы-
ступает на таком престижном мероприятии, да и сцену для
них штурвалы установили только в четверг, когда закрыва-
ли галерейный зал на реконструкцию, отобрав у музыкантов
последнюю возможность отрепетировать.

– Баулин? – вступил в беседу Ид Харш. – Знакомая фа-
милия. Ваши родители, случаем, не из желтых плащей?

И снова взгляды кружка устремились на Ирвелин.

– Нет. Но моя мама в молодости была достаточно извест-
ной балериной. Агата Баулин.

– Ах Агата! – отозвалась женщина с длинной косой. – Ко-
нечно, знаю! Помню с ней спектакль «Тихие морозы Дюр».

Прекрасная танцовщица!

– Приятно слышать, спасибо, – Ирвелин неуклюже изобразила что-то, напоминающее поклон.

– Никогда не увлекался балетом, – невозмутимо произнес Ид Харш, продолжая смотреть на Ирвелин с подозрением. Ирвелин не нашлась, чем ответить настырному граффу. И, к ее счастью, в разговор снова вступила милейшая женщина с косой.

– А вы, Мирамис, если я правильно расслышала, – флорист? Цветочных дел мастерица?

– Верно.

Все взгляды переметнулись с Ирвелин на нее. Воодушевившись вниманием столь почтенного окружения, Мира принялась в красках рассказывать о прелестях своей профессии. Она эффектно жестикулировала, с блеском в глазах отвечала на вопросы и, нырнув в кураж с головой, совершенно позабыла о притаившейся рядом Ирвелин. Детектив Ид Харш к теме флористики энтузиазма не проявлял. Онпил из стакана что-то крепкое и искоса наблюдал за Ирвелин. Заметив его взгляд, та воспользовалась моментом и, оставив Миру покорять интеллигенцию без ее участия, тихо шмыгнула за официантом с закусками. Тот джентльмен с тростью не лукавил – тарталетки и вправду оказались вкусными. Ирвелин набрала их в охапку и поспешила в западное крыло.

Зал перед ней расширился. Белоснежная лепнина на потолке местами облупилась, рамы у зеркал выцвели, но Ирве-

лин разглядела в этом одну сплошную архитектурную мудрость. Люди вокруг мало интересовали ее, а она, в свою очередь, мало интересовала этих людей: бесценное взаимное равнодушие. Официанты-эфемеры со свойственной им приткостью раздавали гостям шампанское; гости приема пили, беседовали, обменивались претенциозными улыбками и пропускали мимо одинокую фигуру с охапкой тарталеток.

Прислушиваясь к оркестровой музыке (фа мажор, конечно), Ирвелин дошла до заветного места – хранилища реликвий. Здесь ее окружили лица королевской семьи, изображенные на красочных полотнах. Тут и там стояли стенды с разными драгоценностями, но внимание Ирвелин приткнулось лишь к одному. В центре экспозиции стоял стеклянный куб, внутри которого хранился знаменитый белый камень. Его золотистое свечение отбрасывало на полотна блики, а неровные грани сохраняли тени, придававшие камню всевозможные оттенки белого.

Увидеть Белый аурум своими глазами – честь для граффа, и Ирвелин захотелось ощутить ее в полной мере. Она подошла ближе и остановилась в метре от куба. Золотое свечение завораживало, и Ирвелин простояла словно под гипнозом не меньше минуты, пока ее оцепенение не прервал мужской голос.

– На фотографиях он выглядит куда солиднее, тебе не кажется?

Это был Филипп. Он подошел сзади и произнес свои сло-

ва громче положенного, из-за чего поймал недобрые взгляды от проходивших рядом граффов. Дождавшись, когда они отойдут, он шепотом добавил:

– Порой наша преданность своей культуре переходит в паранойю. А, господин Кремини, приветствую!

Поодаль от куба с Белым аурумом стоял графф в мундире бирюзового цвета с отливающими серебром эполетами; его белесые волосы забавно топорщились вверх, составляя компанию своему носителю по стойке смирно. Этот графф был не кто иной, как дворцовый отражатель. Ирвелин читала о них. Помимо высокопробного стекла все сокровища королевства охранялись отражателями, чей дар при высокой степени ипостаси защищал артефакты не хуже титановой плиты. Мужчина-отражатель коротко кивнул Филиппу и продолжил нести свою службу в полном сосредоточении.

– Тоже сбежал от Миры? – спросила Ирвелин у иллюзиониста.

– Мне пришлось, – улыбнулся Филипп. – Мира начала перечислять все существующие сорта роз. Ты знала, что их больше ста?

Взглянув на Филиппа, Ирвелин в который раз поймала себя на противоречивых мыслях. Неужели перед ней стоял тот самый мальчик со двора, любитель бросать камешки с горки и выкапывать лабиринты в земляной куче? Тот самый мальчик сейчас выражался с мягким красноречием, был любезен и отличался непревзойденным талантом в своей ипо-

стаси (что для Ирвелин не подлежало сомнению после посещения его библиотеки). К тому же именно Филипп провел ее на закрытый прием в Мартовский дворец, что прозрачно намекало на высоту его секретной должности. Ирвелин не удивится, если он окажется еще и всемирным филантропом, спасающим коал от вымирания. Но что же произошло с его носом, из-за чего тот был сломан? Филипп попал в аварию? Столкнулся в переулке с эфемером?

Поймав себя на неприлично долгом наблюдении за соседом, Ирвелин поторопилась перевести взгляд обратно на Белый аурум. Похоже, Филипп и не заметил столь навязчивого к себе интереса, поскольку его вниманием завладела инкрустированная рубинами корона королевы Линдаллы.

– Вот вы где! – услышала она голос Августа. Он подошел к ним со стороны кружка, в котором присутствовали исключительно девушки. Среди них Ирвелин увидела и принцессу Ограту в переливающимся бархатом платье; принцесса болтала и смеялась так открыто и раскрепощенно, что, если бы не газетные снимки, Ирвелин никогда бы не признала в ней дочь короля.

– Смотрю, тебе здесь нравится, – сказал ему Филипп, мотнув головой в сторону девушек.

– Есть свои плюсы, – сказал Август и приблизился к ребятам так, чтобы никто другой не расслышал его дальнейших слов. – Но до чего же здесь все нудные! Один кукловод с плюмажем на голове спросил у меня, что я думаю по поводу

возможного увеличения подоходного налога для левитантов. Это что еще за налог такой?

– А по твоему бодрому виду и не скажешь, что ты чем-то недоволен, – отметил Филипп, улыбаясь.

– Я-то доволен, но разговоры о налогах приводят меня в уныние. Давайте исправим положение, а? Вот ты, Ирвелин.

Та вопросительно приподняла брови:

– Я, Ирвелин.

– Вот в чем твоя тайна?

– Моя тайна?

Август со знанием дела продолжил, прищурился:

– У каждого есть своя тайна, а если речь идет о граффе – то тут тем более. Так в чем твоя тайна?

– Нет у меня никакой тайны, – изумилась Ирвелин, прятая глаза.

– Брось! Ты чудная такая, и этот вечно отстраненный взгляд... Когда я впервые увидел тебя тогда, на Робеспьеровской, то даже испугался. Внутри тебя словно зверь затаился, который оценивает все вокруг и ждет, когда же выпрыгнуть из засады.

– Нет у меня никакой тайны, – повторила Ирвелин чересчур напористо и посторонилась. Мимо них прошла длинная очередь из граффов. Один из гостей решил устроить любительскую экскурсию по экспонатам галереи, и толпа его слушателей остановилась у Белого аурума. Среди них промелькнули уже знакомые Ирвелин лица – джентльмен с высокой

тостью и женщина в розовом жакете.

– Август, ты Белый аурум-то видел? – пропуская граффов вперед, спросил Филипп.

– Видел. Во вчерашнем выпуске газеты было фото, у Миры на полке...

– Да у Миры же сувенир! А я имел в виду настоящий Белый аурум, вот же он.

– Чего я там не видел. Камень как камень. – Август пожал плечами и повернулся к восточному крылу. – А где, кстати, Мира?

– До сих пор обеспечивает себя клиентами, наверное, – ответил Филипп, осматривая зал в поисках лимонного костюма, но Мира в поле их зрения не появлялась.

Время приближалось к шести. Шоу королевских иллюзионистов должно было вот-вот начаться, и граффы стали плавно перемещаться на балконы. Ирвелин, Август и Филипп, так и не отыскав Миру, отправились на балконы вслед за всеми, и им удалось занять передние места, откуда открывался чудесный вид на фонтанную площадь.

– С каждым годом королевские иллюзионисты удивляют все сильнее. – К ним присоединилась Флоа, та самая девушка в сверкающем платье. Она встала рядом с Филиппом и одарила его лучезарной улыбкой. – Посмотрим, чем они удивят нас сегодня.

– В прошлом году они соорудили солнечную систему, помните? – с воодушевлением произнес Август, обращаясь

в первую очередь к Флоа. – Планеты, спутники, черные дыры...

– Да-да, – отозвалась Флоа без должного интереса.

– Трудно будет иллюзионистам повторить прошлогодний успех, – прибавил Август, но его уже никто не слушал, и левитант с разочарованием облокотился на балюстраду.

Ровно в шесть в башне Утвар зазвенел колокол, и на площади все стихло. Левитанты опустили на землю, воздушных змеев больше никто не пускал. Граффы затаили дыхание и обратились взглядом в небо. Ирвелин показалось, что сама природа приготовилась к грандиозному представлению: порывы ветра ослабли, запустив режим безупречного штиля, а воздух наполнился приятным вечерним теплом.

Шоу иллюзионистов началось.

Во вступлении раздался оглушительной силы звук: органнй аккорд ре мажор. Ирвелин заткнула уши, что, судя по чрезмерной громкости аккорда, пришлось проделать абсолютно всем в ближайшей галактике. Оглушительный аккорд был мучительно долгим. Удерживая уши, сквозь щелочки вместо глаз Ирвелин попыталась разглядеть начавшееся шоу, однако и на земле и в воздухе обстановка была прежней. Август выругался, чего из-за шума никто не услышал, кроме рядом стоявшей Ирвелин, и еще плотнее прижал кулаки к барабанным перепонкам, а Филипп снисходительно улыбался и продолжал держать свои руки в карманах.

В момент, когда Ирвелин начала готовиться к неминуе-

мой глухоте, столицу поглотила тьма. Звук резко исчез, как, в принципе, и все остальное. В крошечной темноте оказались и граффы на балконах дворца, и граффы на площади. Невероятно, но иллюзионисты смогли выключить предзакатный свет, словно комнатную лампочку! Август снова выругался, только теперь, в наступившей тишине, его слышали все.

Долгие минуты граффы вглядывались во мрак. В страхе свалиться вниз Ирвелин вцепилась пальцами в ограду. Она безостановочно моргала, пытаясь уловить хоть какое-то движение. Вскоре тишину прервал новый звук, только теперь он ласкал слух, как травяной эликсир – рану. По дворцовой площади полилось пение тысячи птиц; пение одухотворяло граффов и вселяло надежду на более классическое продолжение шоу.

Спустя дюжину секунд свет вернулся так же резко, как и исчез. Ирвелин зажмурилась и какое-то время была не в силах заставить себя открыть глаза, но после того, как к пению птиц добавилось восторженное «О-о-о», распахнула их. Белая пелена постепенно сменилась на изумительную картину.

Отныне фонтанная площадь была окружена не каменными домами с паутиной из мостовых, а самыми настоящими водопадами. Могучими, пенящимися, возвышающимися до самых небес. Площадь и сотни граффов на ней остались на своем месте, лишь мир вокруг превратился в нетронутую человеком природу. К пению птиц присоединился гремящий

шум падающей воды, создавая завораживающий дуэт.

Водопады, несмотря на внушительные размеры, зрителей шоу не мочили: брызг не было, а сама вода, как только струя касалась земли, исчезала в белой пузырившейся пене. Чистоту иллюзии завершил запах: влажный, свежий, как роса на лугу.

Ни одно слово не могло передать и половины того великолепия, что раскинулось перед Ирвелин. Граффы разразились щедрыми аплодисментами; Ирвелин захлопала так, что спустя несколько хлопков она перестала чувствовать руки. Водопады гроыхали и пузырились, а королевство утопало в восторге и благодарности. Зрители на площади пошли в пляс, левитанты возобновили полеты, а штурвалы пустили в безветренное небо воздушных змеев.

Когда иллюзорные водопады стали просвечивать, а пение птиц стихло, балкон, на котором стояли Ирвелин, Филипп и Август, начинал понемногу пустеть. Гости возвращались обратно в галерею.

– Десять из десяти, если бы не вопль в самом начале. А так – уверенная девятка, – вынес вердикт Август.

Потирая набухшие ладони, Ирвелин направилась вслед за Августом к выходу, у которого уже стоял Филипп. Он придерживал дверь и не выходил, пока внутрь не вошла последняя представительница прекрасного пола. Как только Ирвелин вошла в галерею, то сразу ощутила возникшую перемену. Восторженные отзывы сменились на жужжащие пере-

суды. В западной части зала, там, где хранились реликвии, образовалось живое столпотворение. Туда-сюда сновали появившиеся будто бы из ниоткуда желтые плащи, на их лицах сквозила паника. Большинство гостей стояли поодаль и наблюдали за происходящим с вежливой растерянностью.

– Это продолжение шоу? – весело спросил Август.

Ирвелин промолчала. Оркестр не играл, музыканты стояли с инструментами в руках и вместе с гостями наблюдали за толпой у экспозиций; все лакеи и официанты куда-то исчезли. Лестницу, ведущую к вестибюлю, перегородили трое стражников в бирюзовых мундирах. Из галереи никого не выпускали.

– Там Мира, – сказал подошедший Филипп, указывая куда-то в толпу. – Давайте подойдем ближе.

Они обошли столики и пару десятков озабоченных граффов.

– Вот вы где! – Из плотной вереницы спин выбежала Мира. Выглядела она обеспокоенной.

– Ты знаешь, что произошло?

– Знаю, Филипп, – заявила она вполголоса и многозначительно посмотрела на каждого. – Один из дворцовых отражателей лежит вон там, в крови и без сознания, а Белый аурум украден.

Ирвелин, Август и Филипп в ошеломлении округлили глаза.

– Не может этого быть, – раздосадовано сказал Филипп. –

Перед шоу иллюзионистов мы стояли рядом с Белом аурумом, он лежал в стеклянном кубе. С тех пор прошло не больше двадцати минут...

– Камень украли во время шоу, – вздохнула Мира. – Неизвестный сначала напал на отражателя, а после похитил артефакт. И есть один нюанс.

– Какой? – подала голос Ирвелин.

– Стеклянный куб, в котором хранился Белый аурум, абсолютно цел. На нем ни трещинки. И замок не поврежден.

– Но как тогда?..

– Не имею понятия, я только передаю вам то, что услышала, – перебила Мира с раздражением.

– А на кого из отражателей напали? – спросил Филипп.

– На того, кто стоял прямо у стеклянного куба, – ответила Мира и, заметив обеспокоенное выражение у Филиппа, добавила: – Ты его знаешь?

– Да, пересекались. Его зовут Прут Кремини. Он жив?

– Вроде как жив. Над ним уже хлопочут лекари.

Не успел Филипп задать следующий вопрос, как из толпы у экспозиций вышел детектив Ид Харш. Тяжелым шагом он дошел до центра галереи, остановился и оглядел растерянные лица гостей. Перешептывания стихли, слышен остался лишь далекий смех граффов из приоткрытых балконных дверей. Сыщик протер лоб платком и еще сильнее нахмурил кустистые брови.

– Меня зовут Ид Харш, я сыщик королевской полиции,

штурвал. – Его голос был тверд, а взгляд цепок. – Сегодня в промежутке с 18:00 до 18:20 в стенах галерейного зала произошло нападение на дворцового служащего и... кража. – Он обвел галерею подозрительным взором. – Украден Белый аурум.

Никто из гостей не шелохнулся.

– Это шутка такая? Продолжение шоу? – выкрикнул кто-то со стороны окон.

– Все более чем серьезно, господин графф, – угрюмо ответил ему сыщик. – Убедительно просим всех сохранять спокойствие. В данное время дворец оцепляют желтые плащи, все выходы уже перекрыты. Ежегодная речь короля отменена. Вследствие того, что инцидент произошел несколько минут назад, мы обязаны проверить на предмет кражи каждого присутствующего. Уполномоченный телепат запишет ваши имена и проведет проверку согласно...

– Вы не имеете права подвергать нас сканированию телепата! – возмутился все тот же графф у окон.

Ид Харш посмотрел на него исподлобья. Весь облик сыщика указывал на то, что ему нравились перечисленные меры не намного больше выступающего.

– Сканирование будет поверхностным, – заявил он.

– Это противоречит законам Граффтеории!

– Законам Граффтеории противоречит тотальное сканирование без веских на то причин. Поверхностное сканирование в ряде случаев допускается, в том числе в случае пося-

гательства на безопасность Граффеории.

– То есть вы обвиняете?..

– Господин графф, мы никого из вас не обвиняем, лишь подозреваем, а это два разных термина. Вор, похитивший Белый аурум, до сих пор находится в стенах дворца, и мы обязаны сделать все, чтобы найти его.

– Да за это время вор уже мог сбежать...

– Пока мы сейчас с вами пререкаемся, вор действительно может сбежать.

Гости переглянулись. Внезапно до всех снизошло понимание, что воров мог оказаться любой. Ирвелин, подчиняясь всеобщему беспокойству, взглянула на Миру. Когда они смотрели шоу, той на балконе не было.

– А где персонал дворца? – задала сыщику вопрос Флоа, которая стояла недалеко от Ирвелин. – Пусть и их проверят!

– Весь персонал уже проходит сканирование в каминной комнате. Проверку пройдут все, включая дворцовую стражу, желтых плащей и меня.

Ид Харш стоял в ожидании следующих вопросов. В этот момент мимо перепуганных гостей прошла процессия из штурвалов. Между ними прямо по воздуху плыли носилки, на которых лежал оглушенный дворцовый отражатель, в его белесых волосах ярким пятном блестела кровь. В галерее повисло гнетущее молчание, нарушаемое лишь песнями, которые доносились с площади: поющие граффы и не подозревали о том, что в настоящий момент происходило во двор-

це. Процессия прошла до конца восточного крыла галереи и скрылась за дальней дверью.

– Хорошо, – продолжил Харш. – Прежде чем вас подвергнут сканированию и отпустят в случае невиновности, мы попросим каждого подписать бумагу о неразглашении. Зарождение паники – плохой союзник в поиске Белого аурума. – Он вновь протер лоб платком, после чего убрал платок в передний карман распахнутой шинели. – И, если кто-то обладает какой-либо информацией, убедительно просим сообщить об этом.

Силами желтых плащей в галерее организовалась длинная очередь в форме зигзага. Ирвелин и ее соседи оказались ровно в середине. К пропускному пункту, который второпях разместили у спуска на мраморную лестницу, подошла крепкая шатенка в форме. Она присоединилась к двум желтым плащам – штурвалам, которые сидели за столом и заполняли бланки, передавая их друг другу по воздуху. На вид шатенке было не больше тридцати, однако ее походка и манеры говорили о крайней беспрекословности, что граффы привыкли наблюдать в людях постарше. Она перекинулась парой слов с коллегами, после чего встала лицом к живой очереди и оглядела всех ожидающих пронизывающим взглядом. Ее высокий лоб был без единой морщинки. Жестом подозвав к себе первого в очереди граффа, уполномоченный телепат приступила к работе.

– Дела-то скверные, – промычал Август, что, по справед-

ливости, отлично иллюстрировало общее мнение о происходящем. – Кто-нибудь из вас подвергался раньше сканированию? – Получив отрицательные ответы, Август вздохнул. – Уверен, когда я встану перед телепатом, то в мою голову ползут всякие дурацкие мысли. Как недавно я отжал шесть рей у одного противного эфемера или как плюнул в садовый фонтан. За такое сейчас сажают?

– Нужно расслабиться, – дал совет Филипп. – Никто из нас Белый аурум не крал. Нас проверят и отпустят. А зачем, позволь узнать, ты отжал у эфемера шесть рей?

– Помяните мое слово, господин Кроунроул, – влез в разговор джентльмен с тростью, который стоял в очереди прямо за ними, – Белый аурум похитил кто-то из иностранцев.

Четверо граффов обернулись к нему.

– Почему вы так считаете, Альвэ?

– Элементарная логика, элементарная. Господа, вот скажите мне, для чего Белый аурум может понадобиться коренному граффу, мм? – Его глаза забегали по их обеспокоенным лицам. – Правильно, для граффа это совершенно бессмысленно. А для иностранца есть выгода: он увезет белый камень в свою страну, а нам, граффам, можно прощаться с нашими ипостасями.

Хоть теория господина Альвэ и была оправдана неким подобием на смысл, но Ирвелин тотчас же увидела в ней серьезную прореху. Обойти защиту стеклянного куба не дано даже самому талантливому граффу, что уж говорить об ино-

странце, который владеет ипостасью на уровне граффа-первоклассника?

Тем временем на сканирование уже подходил третий по счету графф. Молодой человек сжимал свой бордовый котелок дрожащими от волнения руками. Желтый плащ записал в бюллетень его имя, и дрожащий графф медленно подошел к телепату. Девушка-телепат посмотрела граффу прямо в его испуганные глаза и вот так, не моргая в течение минуты, сканировала его мысли. В отличие от телепата человек с котелком постоянно моргал и со странным усердием почесывал левый локоть. Будь Ирвелин на месте телепата, она без сомнений оставила бы этого граффа на допрос.

– Вы свободны, – холодно объявила девушка-телепат.

Услышав вердикт, парень неуклюже натянул котелок и вприпрыжку побежал по лестнице к выходу.

Очередь двинулась, и следующим на проверку вышел сутулый самаритянин с бронзовой от загара кожей. Телепат вонзила свой взгляд в лучащегося добротой мужчину, и они простояли так же неподвижно положенное для сканирования время.

– На собеседование, – был вердикт.

Пребывая от решения телепата в скромной растерянности, самаритянин пробормотал:

– Зачем же на собеседование? Я ничего не крал. Я известный натуралист, кукловод. Я к вашим услугам, госпожа уполномоченный телепат. Исследую флору и фауну в лесах

Граффеории, по средам преподаю...

– Мы вас ни в чем не обвиняем, – ровным тоном сказала телепат. – Вам всего лишь нужно пройти в комнату напротив и ответить на несколько уточняющих вопросов.

Мужчина рассеянно кивнул и вместе с одним из желтых плащей прошел в надлежащую дверь.

– Следующий.

После первого случая задержания, пусть и на обычное собеседование, обстановка в галерее стала натянутой. Граффы если и разговаривали, то урывками и шепотом.

– А как вам их просьба подписать какие-то документы о неразглашении? – буркнул Август. – По мне, это чистой воды дискриминация.

– Полиция пытается избежать паники, – ответил ему Филипп, сделав в очереди шаг вперед. – И их можно понять. Представь, что будет, если вся столица узнает о похищении? Начнутся беспорядки, а у желтых плащей и без них сейчас много работы.

– А я согласна с Августом, – отозвалась Мира. – Это нарушение наших прав. Белый аурум украли из-под самого носа полиции, так пусть теперь принимают последствия.

Филипп промолчал. Как и Ирвелин, которой не хотелось сейчас вступать в какие-либо споры.

Спустя полчаса, каждая секунда которых ничем не отличалась от предыдущей, очередь дошла до Ирвелин. Перед ней к телепату подошел Филипп, их встреча была короткой

и закончилась по сценарию «свободен». Когда девушка-телепат позвала следующего, Ирвелин шагнула к столу, представилась, подписала документ о неразглашении и заняла условное место напротив телепата.

На таком близком расстоянии девушка-телепат выглядела еще моложе и еще суровей; ее широкий лоб навис над Ирвелин, как мост нависает над тропой. Телепат обратила в ее глаза свой сухой взгляд, и Ирвелин, вопреки ожиданиям, удалось немного расслабиться.

В воспоминаниях мелькнули белоснежные углы камня, она медленно подходит к нему все ближе и ближе. Вокруг блуждают граффы, которых Ирвелин вниманием обошла; она не запомнила ни их лиц, ни цвета их нарядов. Мужской голос: к ней подошел Филипп. Она отвлеклась от Белого аурума и перевела взгляд на сломанный нос соседа... Картинка сменилась. Уменьшенная версия Филиппа несется с обледенелой горки. Ирвелин стоит наверху и весело кричит ему вслед; руки ее замерзли, а щеки покраснелись. Дождавшись, когда Филипп уйдет с пути, Ирвелин с хохотом съехала за ним. Во дворе появился отец. Он позвал дочь домой с мягкой настойчивостью, как и всегда; для строгого родителя Емельян Баулин был слишком добродушен. Только ради него Ирвелин, с грустью попрощавшись с румяным Филиппом, отправилась домой – туда, где их ждала Агата Баулин, ее мама, которая отвечала в их семье за настойчивость строгую. Момент – и в хоровод воспоминаний пробралась грему-

чая пена водопадов, а следом – полупрозрачный дуб из библиотеки Филиппа. Как же Ирвелин скучала по чудесам, которые здесь, в Граффтеории, считались обыденностью. Как, должно быть, скучает по чудесам ее отец, прозябающий сейчас в чужом краю...

Серые глаза телепата продолжали считывать данные из ее головы. Внутренние часы Ирвелин подсказывали, что условная минута уже давно миновала. Она спиной ощущала напряжение остальных граффов, по галерее зашелестел едва различимый шепот. Ладони Ирвелин взмокли, мысли путались, но взгляд от телепата она не отводила. Кажется, собеседования ей не обойти. Что ж, этого стоило ожидать...

– Вы свободны, – произнесла наконец телепат, чем удивила не только Ирвелин, но и большинство граффов за ее спиной, судя по их изумленным вздохам.

Желтые плащи указали ей на лестницу и тут же потеряли к ней интерес. Искоса Ирвелин увидела вышедшую из очереди Миру. Осознав, что настала пора уходить, Ирвелин начала медленно спускаться; в ее ноги словно вату набили, поэтому путь от галереи до выхода оказался долгим. Снаружи она встретила с дюжину желтых плащей с рациями. Небо уже успело покрыться сумрачным туманом, а фонтанная площадь – полностью опустеть.

У забора ждал Филипп. Ирвелин подошла к нему, и они простояли в молчании, наблюдая за стихийными передвижениями желтых плащей, пока из дворца не вышли Август и

Мира. У обоих вид был изнуренный.

– Нас отпустили, – сказал Август. – А того граффа, который стоял прямо за мной, – Альвэ, кажется? – отвели на собеседование. Ты как, Ирвелин? Долго же телепат тебя муржила. Я был уверен, что тебя вызовут в комнату для допроса. – Левитант остановился и почесал глаза. – Голова кружится, жуть.

– Я тоже решила, что тебя уведут, – произнесла Мира. Несколько ее кудряшек выскочили из лакированного плена, и она тщетно пыталась их прибрать.

Ирвелин лишь неясно промычала, и все четверо направились к проспекту Великого Ола. Каждый время от времени оглядывался на дворец, на окна второго этажа, где все еще горел свет.

– Итак, что мы имеем, – начал излагать Август, загибая пальцы. – Белый аурум украден. Праздник в честь Дня Ола испорчен. И... – Он лихорадочно взлетел и, выдохнув, приземлился обратно.

– Что ты делаешь? – спросила Мира.

– Проверяю, при мне ли моя ипостась.

– Разумеется, при тебе, – отозвался Филипп. – Если верить тому сыщику, вор, укравший Белый аурум, находится сейчас во дворце. Значит, камень на зорком поле, где ему и полагается быть. И даже если вор успел сбежать, то пересечь границу он сможет не раньше завтрашнего утра.

– А если вор – эфемер? Или левитант с двадцать четвер-

той степенью...

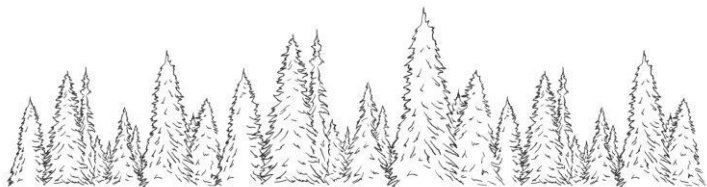
– В любом случае еще слишком рано проверять ипостаси, – утвердил Филипп, покосившись на компанию граффов, беззаботно доедавших остатки сахарной ваты. Ирвелин тоже повернулась к ним. Один из граффов, молодой штурвал, держал моток ваты перед собой без помощи рук. Другой, материализатор, только что уронил в лужу палочку от ваты и с высунутым языком пытался ее воссоздать, а третий, леви-тант, летал над головами друзей и со смехом кидался в них липкими хлопьями.

Ирвелин, Август, Мира и Филипп молча прошли мимо, а на душе всех четверых тяжелым грузом легла грусть. Что будет, если желтым плащам не удастся поймать вора? Что будет, если Белый аурум, бьющееся сердце Граффеории, навсегда покинет королевство?

Ответов нет, в их распоряжении – одни вопросы. На улицах то и дело встречались граффы, которые еще не отошли от громкого празднования; они танцевали, пели, летали. Похоже, о речи короля, которую тот произносил каждый год, никто и не вспомнил. Четверка шла медленно и внимательно глядела на всех, кто попадался им на пути. Кто знает, может, прямо сейчас они наблюдали последний вечер, когда граффы еще были способны на чудеса.

Глава 6

Кудрявый флорист

Жители дома номер 15/2 спали этой ночью тревожно. Мадам Тата с первого этажа никак не могла усмирить своего обезумевшего пса, который ни с того ни с сего вообразил себя волком и всю ночь выл на луну. Семья Пауреш, соседи Филиппа по площадке, в полном составе занималась ловлей стаи мух, неожиданно нагрянувшей к ним после полуночи, – шум от мухобоек был до шести утра! Стоит ли упоминать и о четверых молодых граффах, чьи глаза почти не смыкались – неизвестность дня предстоящего давила на них, а события дня минувшего крутились в мыслях нескончаемой каруселью. Каждые полчаса Август Ческоль вскакивал с кровати и проверял свой навык левитанта и, убедившись, что он все еще левитант, укладывался вновь.

Ирвелин Баулин поднялась в восемь. После бессонной но-

чи голова была тяжелой, а тело вялым. Накинув халат, она лениво добралась до кухни, сварила себе порцию крепкого кофе и уселась на скрипучую табуретку. В окно уставился ее помутневший взгляд.

Спустя глоток Ирвелин вскочила. Она резко выпрямилась и сделала глубокий вдох. Сосредоточившись на пустом пространстве перед собой, вместо пустоты Ирвелин представила очертания отражательного барьера; представила так ярко, словно глухая стена барьера уже стояла перед ней. Одна минута, три, пять, и Ирвелин протянула к пустоте руку. Пальцы ее коснулись прохладной и гладкой поверхности, когда как глаза продолжали созерцать пустоту. Созданная ей поверхность получилась не твердой, как следовало бы быть отражательному барьеру, а мягкой и податливой, что говорило о низкой степени ее ипостаси. Но, несмотря на этот удручающий факт, Ирвелин с облегчением выдохнула. Дар отражателя был при ней.

После проверки ипостаси Ирвелин включила радио – миниатюрный аппарат Емельяна Баулин. Глупо было ожидать, что сейчас она услышит новости о Белом ауруме. Даже если желтым плащам уже удалось схватить вора и вернуть Белый аурум на прежнее место, то по столичным волнам этого не сообщат, ведь большинство граффов до сих пор оставались в неведении. Ирвелин хотелось просто убедиться, и, когда она услышала монотонный голос диктора, который оповещал об умеренном увлажнении чернозема в центральном поясе, ра-

дио она тут же выключила.

Настало время завтрака, но не успела Ирвелин разбить на сковороде яйца, как в дверь опять заколотили. «Что Мире могло понадобиться в такую рань?» Второпях выдумывая повод, из-за которого ей нужно было беспрекословно оставаться в квартире, Ирвелин вышла в прихожую и щелкнула замком. За дверью стояла вовсе не Мира.

– Да, привет! – воскликнул Август, запыхавшись.

– Привет, – ответила Ирвелин, добавив интонации вопрос.

– Тут такое дело... – начал он, но, оглянувшись на лестницу, передумал. – Лучше не здесь.

– Можешь пройти, – предложила Ирвелин, совсем позабыв от взбудораженного вида Августа о своем плане прикинуться занятой.

– Нет-нет. Давай спустимся к Мире.

– Что-то случилось?

С ответом Август помедлил.

– Возможно, случилось, – выдал он неопределенно и вновь оглянулся. – Нам нужно твое мнение по одному вопросу, а вопрос этот достаточно, как бы точнее выразиться... щекотливый. Подробнее рассказать я смогу только у Миры. Спустишься? Квартира номер два, с цветочным венком на двери.

Ирвелин пообещала спуститься, состояние Августа озадачило ее. Левитант ушел, а Ирвелин второпях переделалась

и, позабыв о завтраке, спустилась на первый этаж. В украшенную венком из сухоцветов дверь она постучала кротко и мягко, умышленно подавая пример своим громким соседям. Дверь отворилась, и облако из цветочных запахов накрыло Ирвелин.

Планировка квартиры Миры была идентична квартире Ирвелин, и на этом их схожесть заканчивалась. Гостиную-мастерскую наполняли неясный свет и сплошной творческий беспорядок: все вокруг было заставлено пустыми коробками, лишь пробравшись через которые Ирвелин смогла разглядеть гостиную воочию. Там, где у нее располагалась кухня, у Миры стоял высокий прямоугольный стол, сколоченный из деревянных досок. Позади стола шумел холодильник, стеклянные дверцы которого выдавали его содержимое – в нем хранились не яйца с молоком, а цветы. Много-много цветов. Каждый сорт томился в отдельной вазе и насыщался дарами воды. По полу мастерской каталась небольшая тележка с инструментарием. Ирвелин обошла очередную пустую коробку и пригляделась: секаторы, лески, разноцветные тейп-ленты, проволоки, флористические ножи и ножницы. Когда в тележке Ирвелин увидела и несколько видов плоскогубцев, то ненароком засомневалась, точно ли она смотрела на флористические инструменты, а не на хирургические?

– Аккуратнее с коробками, не споткнитесь, – сказала Мира, подпирая боком стол. Она смотрела на один из стел-

лажей, на котором уместилась дюжина корзин с зеленым пиафлором, и теребила края рабочего фартука. Ирвелин даже не сразу заметила Миру, настолько органично та вписалась в окружающий ее хаос.

Здесь был и Филипп. Медленными шагами он мерил комнату со скрещенными за спиной руками. Кинув серьезный взгляд на Миру и Августа, который сидел на высоком стуле у рабочего стола, Филипп произнес:

– Мира, рассказывай.

Атмосфера была напряженной. Ирвелин ее сразу ощутила и приготовилась слушать со всем посильным вниманием. Мира, не спуская глаз со стеллажа, заговорила. Ее торопливая речь то и дело сбивалась, язык заплетался, слова вставляли невпопад.

– Хм, в общем. Вчера, после того как мы попрощались, я зашла домой и сразу направилась в спальню. Ни здесь, ни на кухне свет я не включала, поэтому... свет, да, было темно. Я легла спать, но перед этим поставила будильник на шесть. Есть заказ, один букет, который... ну, собрать мне нужно. Легла спать. Спала я неважно. Чей-то пес выл всю ночь, слышали? Если бы кто-то заходил, я бы обязательно услышала. Никто не заходил. Да. Утром я встала по будильнику и сразу принялась за работу. Ничего подозрительного в мастерской не заметила. Очистила стол от обрезков, достала нож и секатор, потом... я подошла к стеллажу, чтобы взять пиафлор. Случайно посмотрела на сувенир... а он светится и странно

вибрирует. – Она оглянулась на Ирвелин. – Никогда раньше он не светился и не вибрировал.

Словесный локомотив остановился. Так и не разобравшись, в чем же, собственно, заключался вопрос, Ирвелин не нашла ничего другого, как посмотреть туда, куда все это время смотрела Мира. Обыкновенный на вид металлический стеллаж, корзины, рулоны красочной обертки... И сувенир, одиноко стоявший в самом углу верхней полки. Копия Белого аурума, про который Август упоминал во дворце. Таких копий уйма на Скольском бульваре, Ирвелин сама их видела. Тот же размер, те же цвета и формы, как у настоящего Белого аурума. Но что-то в этой копии было другим. Лучше приглядевшись, Ирвелин заметила легкую вибрацию – белый камень трясся и постукивал, преломляя золотистый свет о стенки стеллажа.

Все молчали, ожидая слова от Ирвелин.

– На полке лежит сувенир в форме Белого аурума, со Скольского бульвара, – произнесла Ирвелин медленно. – Правильно?

– Этот вопрос мы и хотели тебе задать, – сказал Август. – Ты говорила, что твой отец – материализатор и ученый. Он когда-нибудь упоминал о способности Белого аурума к вибрации?

– Никогда, – тут же ответила Ирвелин.

– Значит, это неполадки с сувениром? – обратился Август к Филиппу, который продолжал ходить из стороны в сторо-

ну. Иллюзионист лишь неопределенно помотал головой, а вместо него ответила Мира:

– Этот сувенир мне подарили полгода назад. За все полгода он никогда не вибрировал и никогда не светился.

– Мы поняли это, Мира, с первого раза, – буркнул Август. – Но, быть может, в нем есть какая-то живая функция, встроенная кукловодом?

– Даже если и так, за полгода я уже увидела бы эту функцию. Говорю тебе, Август, это самый обычный сувенир, который продают иностранцам, а значит – кукловоды тут не причастны.

– А вы не пробовали взять его в руки? – отозвалась Ирвелин, подойдя ближе к стеллажу.

– Мы побаиваемся брать его в руки, – сказал Август, прерывая возникшую паузу. – Вдруг это настоящий Белый аурум.

Четыре пары глаз с опаской уставились на трясущийся камень. Превозмогая волнение, Ирвелин закатала рукава своей рубашки и сказала:

– Думаю, нам стоит взять его.

Она на цыпочках потянулась, просунула руки сквозь очереди корзин и вынула белый камень из глубины полки. Трястись сувенир не перестал – наоборот, его вибрация вдвое усилилась. Направив все силы на то, чтобы не уронить выскальзывающий камень, Ирвелин метнулась влево и опустила камень на рабочий стол Мира. Едва белоснежные грани

коснулись дерева, мастерская мгновенно наполнилась танцующим свечением. Граффы окружили стол. После очередного повторения Мирой того, что ее сувенир никогда не светился и не вибрировал, слово взял Филипп:

– Это не настоящий Белый аурум.

– Но согласишься, Филипп, совпадение поразительное!

– Хорошо, Август, давай пойдем от обратного, – предложил Филипп, облакачиваясь кулаками о стол. – Если перед нами настоящий Белый аурум – тот самый, что вчера был украден из Мартовского дворца, – то сюда он мог попасть только в период со вчерашнего вечера, когда желтые плащи начали выпускать людей из дворца, по сегодняшнее утро, верно? – Август и Мира кивнули. – Однако как артефакт мог сюда попасть, раз Мира утверждает, что никакого постороннего шума в квартире не слышала, притом что ночью почти не спала?

– Ночью выла собака! – стукнул себя по лбу Август. – Я тоже ее слышал! Вой мог заглушить шаги, скрип дверей...

– Никто в мою квартиру не заходил! – сказала Мира упрямо.

– А если штурвал? – Глаза Августа вспыхнули азартным огнем. – Штурвал открыл окно – вон то, рядом со стеллажом – и своим даром впустил Белый аурум в комнату и закинул его на полку.

– Да будет тебе известно, Ческоль, что окна в Граффеории уже давно оснащают специальными замками. – Откинув

часть своих кудряшек, Мира скривила губы.

– А если вору все же удалось сбежать из дворца сразу после кражи? – выдвинула Ирвелин свою версию, крутящуюся у нее в голове. – И пока нас сканировал телепат во дворце, вор успел дойти до Робеспьеровской, проникнуть сюда и спрятать Белый аурум?

– Зачем кому-то вообще понадобилось прятать Белый аурум у меня?

Кто-то позвонил в дверь. Застигнутые врасплох граффы выпрямились; Ирвелин встала слишком резко и случайно толкнула Филиппа. Тот, не справившись с равновесием, повалился на стол и ударился подбородком об угол. Август подхватил его и помог встать. Мира посмотрела на часы.

– Расслабьтесь. Пришел господин Боувин, мой покупатель.

Пока Ирвелин извинялась перед Филиппом, Мира вынула из вазы свежий букет, мановением руки освободила путь от коробок и направилась в прихожую, стараясь вернуть лицу безмятежное выражение.

– Мирамис, доброе утро! – слышался любезный голос. – Вы, как обычно, восхитительно прелестны.

– Благодарю, господин Боувин. А вы очень пунктуальны.

– О, в этом виноват мой дар эфемера. Уверяю вас, на своих двоих я пришел бы сюда не раньше полудня.

– А я вот постоянно опаздываю.

– А вы, прошу прощения?..

– Я – штурвал, господин Боувин.

– Ах, штурвалы! Властелины телекинеза! Под вашей властью все мирские передвижения.

– Ваш букет.

– Садовые розы! Моя жена обожает их!

– Передавайте ей привет.

– Обязательно, Мирамис, обязательно.

Покупатель ушел. Мира вернулась в гостиную, и один из кухонных стульев придвинулся к ней; она села и опустила на колени руки.

– Допустим, что вопреки логике на моем столе сейчас лежит настоящий Белый аурум. Зачем кому-то понадобилось прятать Белый аурум у меня? Не лучше ли подобрать место наименее заселенное? В лесу, например. Или на дне заброшенного колодца...

– А где сам сувенир? – пребывая в задумчивости, уточнила Ирвелин. Трое соседей обратили к ней вопросительные взгляды, и она скорее пояснила: – Если мы допускаем, что перед нами настоящий Белый аурум, то где тогда тот сувенир, который тебе, Мира, подарили полгода назад? На полке больше нет камней.

Граффы переглянулись. Август встал и проверил стеллаж. Не обнаружив на нем другого белого камня, левитант озадаченно развел руками.

– Может, это все-таки обыкновенный сувенир, – вздохнула Мира. Она хотела что-то добавить, но ее перебил новый

звонок в дверь. – Ох, ну что еще...

Мира неохотно поднялась и скрылась в прихожей.

– Он светится точь-в-точь как Белый аурум, – произнес Филипп, ни к кому конкретно не обращаясь. Он ходил вокруг стола и тер ушиб на подбородке.

– Возможно, материализаторы приноровились и стали создавать копии со всеми сопутствующими функциями. Только вот с момента его покупки уже прошло полгода...

Август не успел договорить. Из прихожей они услышали мужской голос, совсем не такой любезный, как у господина Боувина. Ирвелин он показался смутно знакомым.

– Доброе утро, госпожа Шаас.

– Доброе утро, – ответила Мира с интонацией, переполненной смятением.

– Прошу прощения за столь ранний визит. Я сыщик королевской полиции, меня зовут Ид Харш. Мы виделись вчера с вами на приеме.

Август и Ирвелин вскочили со своих мест, Филипп замер с рукой на лице.

– Ничего... ничего страшного, – отозвалась Мира.

– Благодарю вас за понимание. – Ид Харш откашлялся. – Дело в том, что мы ищем одного граффа. Только что мы звонили в его квартиру, но дверь нам не открыли.

Август среагировал первым. Он схватил копию Белого аурума, подлетел на пару сантиметров от пола и устремился туда, где у Миры была спальня.

– А кого вы ищете? – поинтересовалась Мира с куда большим участием. Понимание, что пришли не за ней, смягчило ее тон.

– Ирвелин Баулин, – ответил детектив.

Невидимая взгляду сыщика Ирвелин раскрыла от изумления и без того большие глаза; Филипп, мгновенно обернувшись к ней, удивился не меньше. В замешательстве пребывала и Мира.

– С какой целью вы ее разыскиваете? – спросила она.

– В моих руках ордер на обыск квартиры госпожи Баулин. Вы можете подсказать, где она?

Мира молчала. Ирвелин всем нутром ощущала ее колебания.

– Госпожа Шаас? – Ид Харш выражал беспокойное нетерпение.

Пришла пора прийти Мире на выручку. Оглянувшись на Филиппа, Ирвелин зашагала в прихожую.

– Здравствуйте, детектив. Я здесь.

Мира отшатнулась вбок, и Ирвелин, отодвигая с дороги коробки, встала рядом. Не сразу оправившись от внезапного появления Ирвелин, Ид Харш с заминкой произнес:

– Отлично. Очень хорошо. М-м-м... Да. Госпожа Баулин, мне необходимо задать вам несколько вопросов у вас дома. – Он протянул ей слегка помятый ордер.

Ид Харш выглядел гораздо хуже, чем накануне. Вздувшиеся мешки под глазами и потрепанная шинель выступали

свидетелями бессонной ночи. Что осталось прежним, так это его суровый взгляд, подчеркнутый чернотой бровей. За его спиной, у винтовой лестницы, зевала парочка желтых плащей.

Ирвелин приняла документ и внимательно осмотрела его. Под словом «внимательно» стоит понимать «показательно внимательно», ведь в юридических бумагах Ирвелин ничего не смыслила, а выглядеть в нынешнем положении безграмотной ей хотелось меньше всего. Увидев на бумаге печать самого короля, она сделала вывод, что ордер подлинный.

– Я тоже составлю вам компанию, если позволите. – В прихожую вышел Филипп.

Ид Харш перевел на него уставший взгляд.

– Вы один из Кроунроулов?

– Верно. Я – Филипп Кроунроул. И тоже проживаю в этом доме.

– У вас что, утреннее собрание? – усмехнулся Харш.

– Вроде того. Могу я взглянуть на ордер?

– Пожалуйста.

Филипп взял из рук Ирвелин ордер и принялся его изучать. По сосредоточенному выражению стало ясно, что он, в отличие от Ирвелин, читал каждое напечатанное слово. В течение долгой минуты было слышно лишь слабое дребезжание цветочного холодильника.

– Все в порядке. – Вернув документ Харшу, Филипп покосился на Ирвелин, а после повернулся к Мире. – Спасибо

тебе, Мира, за увлекательнейшую лекцию об орхидеях. Мы пойдем.

Хлопая бесцветными ресницами, Мира ничего не ответила. Ирвелин, Филипп, Ид Харш и двое желтых плащей отправились наверх, оставив блондинку пребывать в полном недоумении. И только когда их шаги стихли, она ожила и закрыла за ними дверь.

* * *

Ирвелин не могла определиться, была ли она рада Филиппу, который вызвался идти вместе с ней. Ее секреты вот-вот всплывут на поверхность, и она не уверена, что уже готова ими с кем-то делиться. Заранее перекинуться с Филиппом хотя бы парой слов у Ирвелин не получилось – Ид Харш шел прямо за ними и не спускал с их затылков глаз.

Если в квартире у Миры пахло розами, то в квартире у Ирвелин пахло замшей и средством для полировки. Утренние солнечные лучи только-только заглядывали в окна, создавая на оливковых стенах причудливые тени. Ид Харш без промедления дал указания своим офицерам, и они принялись за работу. Тот, кто повыше, отправился в ванную комнату, второй остался проверять гостиную. Оба желтых плаща были штурвалами, а потому весь обыск проходил с соблюдением строгих инструкций – без касаний личных вещей обыскиваемого: ящики выдвигались, кресла смещались, а двери

открывались только по отдаленному взмаху рук.

– Мы можем поговорить за этим столом?

Оставаясь в шинели, Ид Харш сел за круглый стол и достал из-за пазухи папку, до отказа набитую какими-то бумагами. Ирвелин села напротив, а Филипп остался стоять поодаль, у прихожей.

– Вор Белого аурума до сих пор не пойман, – приступил к делу Харш. – И я полагаю, вы, Ирвелин, догадываетесь, для чего мы пришли сюда.

– Обыскать мою квартиру, – сказала Ирвелин ровным тоном.

Детектив смерил ее хмурым взглядом.

– Вчера, услышав вашу фамилию, я был озадачен. Я был уверен, что знал ее. Баулин. Она не выходила у меня из головы, пока во время шоу иллюзионистов мне не сообщили о краже Белого аурума. Ночью, когда мы обыскивали все залы дворца, я вновь вспомнил о вашей фамилии. – В то время как он говорил, его черные глаза сверлили лицо Ирвелин; они ждали реакции. К его разочарованию, никакой реакции он не наблюдал. Ирвелин слушала его с учтивым вниманием, которое граничило с равнодушием, будто детектив говорил не о ней, а о ком-то им обоим знакомом. – Госпожа Баулин, – Ид Харш усилил голос, – вашего отца зовут Емельян Баулин?

Ирвелин кивнула.

– Тринадцать лет назад ваш отец был депортирован из Граффеории за попытку хищения Белого аурума, ставшую

первой попыткой кражи артефакта в истории. Верно?

Не дрогнув, Ирвелин снова кивнула, стараясь не думать о том, что у прихожей стоит Филипп и слышит каждое слово. Сверившись с документами, Ид Харш продолжал с холодной беспристрастностью:

– Тогда, тринадцать лет назад, из Граффеории вы уехали всей семьей: вы, ваш отец и ваша мать. Верно?

Кивок.

– Четыре дня назад, в эту среду, прямо перед Днем Ола вы вернулись в Граффеорию. Одна. Верно?

Кивок.

– А в сам День Ола вы присутствовали на ковровом приеме в Мартовском дворце. И здесь я вынужден уточнить – каким образом вы прошли на прием?

– Здесь виноват я, – вмешался Филипп. – В моем распоряжении было несколько билетов, и один из них я отдал Ирвелин.

Ид Харш обернулся, выказывая недовольство вмешательству постороннего лица.

– Это так, госпожа Баулин? – спросил он.

– Так, – подтвердила Ирвелин.

Детектив вернул свое внимание к бумагам и откашлялся в кулак.

– Хорошо, допустим. – Он сделал запись. – Далее. Какую цель вы, Ирвелин, преследуете, вернувшись в Граффеорию спустя столько лет?

– Самую безобидную. Я – графф по рождению и желаю жить на своей родине.

– Вы утверждаете, что вчера Белый аурум был украден не вами?

– Не мной.

Было видно, что невозмутимый тон, с которым Ирвелин отвечала на вопросы, накалил утомленный рассудок детектива добела. Он учащенно дышал и бросал молнии всюду, куда попадал его взгляд.

– С пианино прошу быть аккуратней, – сказала Ирвелин, заметив, как желтый плащ поднял его крышку рассеянным взмахом. – Инструмент довольно старый, струны у него хрупкие.

Замерев, офицер с неммым вопросом посмотрел на своего начальника.

– Не беспокойтесь, Ирвелин. Ваше имущество сохранится в целостности, – произнес Ид Харш чопорно и знаком дал офицеру разрешение продолжать.

Далее последовал ряд скучных вопросов. Где эти тринадцать лет семья Ирвелин проживала, где Ирвелин училась и кем работали ее родители за границей. Когда напротив каждого вопроса была проставлена галочка, детектив захлопнул папку.

– И последний вопрос. Как вы, госпожа Баулин, относитесь к поступку вашего отца тринадцатилетней давности?

– Разве мое отношение может каким-то образом помочь

следствию?

– Все зависит от вашего ответа.

Значит, от ее ответа зависело, поставят ли ее имя в один ряд с именами других подозреваемых. Долго размышлять Ирвелин не пришлось.

– Я не осуждаю отца. Свой поступок он совершил без злого умысла.

Ид Харш отреагировал на ее ответ с чем-то наподобие хитрой усмешки.

– Получается, и в действиях вчерашнего вора не было злого умысла?

– Этого я знать не могу, – утвердила Ирвелин.

Они долго переглядывались, прежде чем Ид Харш обратился к желтым плащам.

– Ребята, нашли что-нибудь?

– Ничего, детектив, – откликнулся из спальни первый, а второй вышел с балкона и замотал головой в знак солидарности.

– Тогда уходим. Здесь мы закончили.

Вернув бумаги за пазуху, Харш грузно поднялся.

– А как самочувствие у дворцового отражателя, на которого вчера напали? – спросила Ирвелин. Сыщик посмотрел на нее не то с изумлением, не то с досадой.

– В госпитале пришел в сознание. Но допрашивать его еще рано. До свидания, госпожа Баулин.

Не сказав больше ни слова, Ид Харш обошел Филиппа и

направился к выходу. Желтые плащи ушли следом. Продолжая избегать взгляда Филиппа, Ирвелин занялась неотложным делом – начала раскладывать уличную обувь согласно сезонности. Иллюзионист подошел к окну и осторожно посмотрел вниз, на Робеспьеровскую. Вскоре он громко объявил «уехали» и вернулся в прихожую.

– Полагаю, нам стоит вернуться к Августу и Мире, – кратко сказал он.

Возражать Ирвелин не стала.

* * *

В квартире номер два левитант и штурвал накинулись на них с расспросами.

– Ирвелин, что желтые плащи хотели от тебя?

– Они ушли? Что вы им сказали?

– Они нашли вора?

– Вы не рассказали им про странное поведение моего сувенира?

Время, которое им пришлось провести в мучительном ожидании, не пошло на пользу обоим: Мира побледнела так, что почти слилась с цветом своих волос, а с Августа сошла его самоуверенная ухмылка. Все вместе они прошли в мастерскую, и Филипп первым взял слово.

– Желтые плащи ушли. Белый аурум до сих пор не найден. Про сувенир мы ничего не сказали. – Август и Мира

выдохнули, а Филипп прибавил: – Однако, как выяснилось, у некоторых из нас есть секреты, которые неплохо было бы обнародовать.

Ирвелин ждала этих слов и уже приоткрыла рот, чтобы начать говорить, но Филипп вдруг опередил ее:

– Мира? – Он посмотрел на соседку многозначительно. – Скажи нам, что вчера ты делала во время шоу иллюзионистов?

На мгновение впад в ступор, Мира ответила:

– Смотрела шоу.

– Неправда, – заявил Филипп, сощурился глазами и приподняв подбородок выше, что сделало его выражение грозным. – На балконах тебя не было. Где ты была?

Август и Ирвелин тоже повернулись к Мире. Филипп оказался прав, что отразилось на ее виноватом лице. Опустив взгляд, она отошла к рабочему столу.

– Я не могу вам сказать.

Образовавшаяся тишина прерывалась лишь дребезжанием холодильника. Неужели Мира была как-то связана с кражей Белого аурума? Ирвелин не хотелось верить в это, но факты говорили сейчас против нее.

– Хочу прояснить ситуацию, – спокойным, но настойчивым голосом заговорил Филипп. – Мира. Возможно, сейчас в твоей спальне лежит то, что в настоящий момент разыскивают все оперативные силы Граффеории. И мы сможем тебе помочь только в том случае, если узнаем, где именно ты бы-

ла во время его кражи.

Мира вздрогнула и закрыла лицо руками.

– Уверяю вас, – промолвила она, – с кражей Белого аурума я никак не связана. Здесь другое.

– И что же? – не отступал Филипп.

Какое-то время Мира стояла неподвижно. Август занял высокий стул напротив нее, Филипп обошел стол и остановился у стеллажа. Собравшись с духом, Мира опустила руки и коротко произнесла:

– Во дворце я столкнулась с Нильсом.

Для Ирвелин озвученная новость не возымела эффекта. Нильс? Кто это? Однако она не могла не заметить вмиг изменившиеся выражения Филиппа и Августа. Оба граффа с ошеломлением уставились на Миру. С лица Филиппа сошла вся краска, а его острые черты стали еще острее. Кажется, признание Миры в краже Белого аурума он воспринял бы куда лучше.

– Когда все гости пошли на балконы, я случайно увидела его в зале. Он был одним из официантов, – затараторила Мира, глядя на шершавую поверхность рабочего стола. – Я удивилась и подошла к нему, у нас даже разговор получился. Мне хотелось узнать, как у него дела. Он огрызнулся, конечно, постоянно норовил отойти. А потом случился тот оглушительный визг с улицы, и скоро все потемнело. Я растерялась, Нильс тоже. Пока было темно, мы не отходили друг от друга, а когда вернули свет, в дальнем конце галереи закри-

чала какая-то женщина – наверное, увидела лежащего без сознания дворцового отражателя. Нильс сразу побежал на крик. Потом началась суматоха, забегали желтые плащи. С того момента Нильса я больше не видела. Что было дальше, вы знаете.

– Нильс в белой ливрее? Не представляю, – отозвался Август.

Филипп молчал. Его лоб покрылся складками, а в потемневшие глаза страшно было смотреть. В нем словно вскипали старые как мир воспоминания, которые он тщательно старался забыть.

– А кто такой этот Нильс? – спросила Ирвелин осторожно.

– Эфемер, – сообщил Август, пододвигая к себе миску с анисовыми пряниками. – Он раньше жил в этом доме. Мы... общались.

– Поэтому я и не хотела вам говорить, – обращаясь в первую очередь к Филиппу, сказала Мира. – Я знала, как ты отреагируешь.

Ей никто не ответил. Филипп отвернулся к окну, занавешенному хлопковым тюлем, и долгое время всеобщее молчание прерывалось только чавканьем Августа.

– Мне тоже нужно кое в чем признаться.

Все внимание перешло на говорившую Ирвелин. Даже Филипп проявил признаки жизни, отвернувшись от окна.

– У нас сегодня что, день откровений? – с насмешкой бросил Август. – Имейте в виду, я не приготовился. Я чист, как

утренний дождь. – Он смахнул с щек пряничные крошки. – Образно выражаясь.

Пропустив комментарий Августа мимо ушей, Ирвелин заговорила:

– Тринадцать лет назад я и мои родители уехали из Граффеории не по своей воле. Мы с мамой уехали вслед за отцом, которого... депортировали из королевства за совершенную им кражу. – Она сглотнула. – Тринадцать лет назад мой отец уже пытался украсть Белый аурум.

Говорить об этом оказалось сложнее, чем она ожидала. Ирвелин не нравилось выставлять семейные истории на общий суд, и, если бы не обстоятельства, которые загадочным образом перекликались с ее прошлым, она бы не откровенничала.

– Как я уже говорила, мой папа – ученый, – продолжала она, стараясь ни на кого не смотреть. – Некоторое время он работал наемным материализатором в одной производственной компании, которая выполняла заказы для Мартовского дворца. Потом он открыл свою лабораторию и стал совмещать науку и производство. Все свободное время он посвящал изучению редких артефактов. Папа часто говорил мне, что Белый аурум, вопреки убеждениям, до сих пор таит в себе много загадок. И у него была мечта. Своими руками, руками материализатора ощутить силу Белого аурума и провести с ним ряд экспериментов. Научных, разумеется.

– Зачем же он так рисковал? Ему можно было просто

оформить специальное разрешение, – начал Филипп, но Ирвелин, кивнув, перебила его:

– Разрешение на пользование ценным объектом в научно-исследовательских целях, да. Он подавал заявку. Семнадцать раз. – Август присвистнул. – Папа получал отказ за отказом, однажды встал в очередь на аудиенцию к самому королю, где также получил отказ. Было время, когда он совсем потерял надежду, но потом выдумал план...

– Выходит, это ты вчера украла Белый аурум? Для своего отца? – вклинилась в ее рассказ Мира. Не оставляя Ирвелин возможности ответить, она, пребывая во внезапно охватившей ее горячке, продолжила: – Поэтому телепат и сканировал тебя так долго! Поэтому и желтые плащи пришли за тобой! Все сходится! – Мира вскочила и заметалась по мастерской, кидая в Ирвелин взгляды, полные осуждения. – Но как ты умудрилась стащить камень, находясь в момент кражи на балконе? У тебя был сообщник? Ну конечно! И именно он пробрался ко мне в квартиру, пока ты вместе с нами возвращалась из дворца, и заменил сувенир на подлинник. Само собой разумеется, прятать краденый аурум в своей квартире нельзя, ведь туда обязательно нагрянут с обыском плащи...

– Мира, угомонись! – резко оборвал ее Филипп.

Продолжая тяжело дышать, Мира замотала кудрявой головой от одного к другому:

– Вы что, не понимаете? Все сходится!

Поведение Миры ввело Ирвелин в оцепенение. Второй

раз за это утро ее обвиняли в деянии, которого она не совершала.

– Ни я, ни мой папа ко вчерашнему преступлению отношения не имеем, – стараясь сохранить достоинство, произнесла Ирвелин спокойно.

Мира взглянула на нее с откровенным недоверием.

– Не слишком ли много совпадений, Ирвелин? Ты вернулась сюда, в Граффеорию, а спустя три дня из Мартовского дворца исчезает Белый аурум!

– Ты рассуждаешь прямо как тот детектив, – отметил Филипп.

– Неудивительно, Филипп, ведь по-другому здесь рассуждать сложно, – парировала Мира. – И зачем только было актерствовать, Ирвелин? Сегодня утром, когда мы показали тебе камень?!

– Мне кажется, Ирвелин не похожа на человека, который способен на подобное, – заявил Филипп, но в его голосе сквозило едва уловимым сомнением.

– Филипп! Она дочь преступника!

Восклицание Миры отскочило от стен и больно ударило прямо Ирвелин в уши. Никак не унимаясь, Мира кинулась к левитанту:

– А ты что думаешь, Август?

Август продолжал сидеть за столом, держа в руке надкусанный пряник. Услышав вопрос Миры, он, замешкавшись, посмотрел на Ирвелин.

– Я не знаю, – сказал он и отвернулся. – Совпадений и правда много.

Все наконец затихли, включая вспыльчивость Миры. Сам воздух в мастерской переменился. Близился полдень, хотя казалось, что дело шло к вечеру.

– Думаю, мне лучше уйти.

Игнорируя взгляды граффов, Ирвелин направилась к выходу.

– А что нам прикажешь делать с Белым аурумом? – крикнула ей вслед Мира.

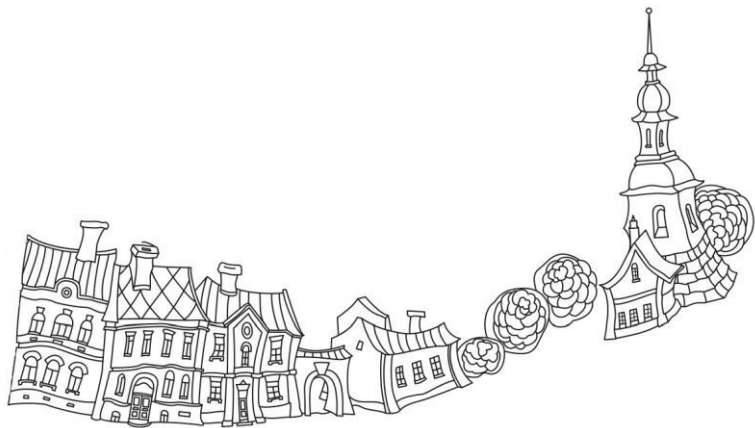
Ирвелин притормозила и, не оборачиваясь, холодно произнесла:

– Быть может, это всего лишь сувенир. А если нет, то пора бы его вернуть в распоряжение королевства.

И она ушла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Глава 7

Неожиданная услуга

Прошло три недели, и теплый сентябрь уступил промозглomu октябрю. Полицейские Граффеории больше не беспокоили Ирвелин, равно как и вести о дальнейшей судьбе Белого аурума. Ни по новостям, которые девушка слушала каждый день по радиоприемнику, ни по подслушанным разговорам в кофейнях, куда она частенько заглядывала, нигде она не встретила о Белом ауруме и малейшего упоминания. Газеты тоже оставляли в неведении, даже самый популярный еженедельный журнал королевства «Упрямый карандаш», в

котором, по уверениям представителей издания, публиковалась исключительно правда, и то сохранял молчание. Дар отражателя, который Ирвелин исправно проверяла каждое утро, был при ней, и Ирвелин сделала вывод, что Белый аурум был найден и благополучно возвращен в Мартовский дворец.

Филиппа и Миру Ирвелин не встречала все три недели. Лишь однажды, в последних числах сентября, выходя в парадную, она узнала голос Миры – та с кем-то попрощалась и хлопнула дверью. А вот Август однажды к ней стучался, но Ирвелин, увидев его виноватую физиономию через глазок, дверь не открыла.

В эти осенние одинокие дни Ирвелин удалось сделать кое-что полезное. Во-первых, она внесла плату за телефонную связь, и отныне Ирвелин, как современный человек (по меркам Граффеории, разумеется), могла созваниваться с родителями прямо из дома. Во-вторых, она наконец исполнила волю своей матери.

На второй неделе в Граффеории любимый рюкзак Ирвелин начал испускать последний дух: ткань его изнасилась, карманы выворачивались наизнанку, пуговиц не хватало, а внутренности пропахли однажды пролитым кефиром. Без рюкзака Ирвелин не представляла жизни, и зрелище, представшее перед глазами, чрезвычайно ее расстраивало. Спустя неделю тщетных попыток заштопать старый рюкзак Ирвелин со скорбью на сердце приняла решение покупать

новый. Кошелек ее изо дня в день становился все легче, а горизонт на предмет привлекательных вакансий оставался чистым. Не сказать что Ирвелин обременяла себя активным поиском работы, скорее, она надеялась, что подходящий вариант сам со дня на день появится перед ней. Однако дни шли, звон монет становился скуднее, а рюкзак после очередного выхода запросил каши.

«Выбора у меня нет», – подумала Ирвелин в оправдание своему поступку и закрутила диск на телефоне.

– Дугли Дуглифф слушает, – раздался приятный баритон на другом конце провода.

– Здравствуйте, господин Дуглифф...

Ирвелин запнулась.

– Чем могу быть полезен? Только прошу, говорите пораспорнее, у меня репетиция.

– Вас беспокоит Ирвелин. Ирвелин Баулин.

– Кто?

– Дочь Агаты Баулин.

Пару секунд заведующий театром комедии лишь размеренно дышал.

– А, Агата! Помню-помню, – услышала Ирвелин и немного расслабилась. – Как у нее дела? Она танцует или уже отложила практику?

– Мама больше не танцует, – произнесла Ирвелин, не зная, стоит ли рассказывать подробнее. Решив, что не стоит, она заторопилась перейти к делу: – Мама сообщила мне,

что в вашем театре есть свободная вакансия младшего пианиста. – Господин Дуглифф промолчал, и Ирвелин, теряя к себе последнее уважение, добавила: – Я – классифицированный пианист, окончила училище по классу фортепиано. Я отражатель. И... эм-м... не так давно я переехала жить в Граффеорию и сейчас нахожусь в поиске работы.

Неловкость сковала её голос, делая его писклявым. Никогда раньше Ирвелин не приходилось куда-либо напрашиваться.

– Конечно, я готова пройти прослушивание...

Дугли Дуглифф перебил ее:

– Госпожа Баулин, для меня не подлежит сомнению, что с дочерью столь талантливого граффа, как Агата Баулин, будет приятно иметь дело. Однако в моем театре в нынешнее время весь штат полностью укомплектован.

– А когда место может освободиться?

– Право, такое сложно предугадать, – пропел он. – Я ничем не могу вам помочь, госпожа, и вынужден сейчас откланяться. Передавайте мое почтение вашей маме. До свидания! – И бросил трубку, не дав Ирвелин попрощаться в ответ.

Что ж, в этом были и определенные плюсы. Во-первых, Ирвелин не будет мучить себя работой в ненавистных оркестрах, а во-вторых, ей представилась отличная возможность сообщить матери о том, что ее обожаемому господину Дуглиффу она звонила, узнавала, выпрашивала и молила,

но, к своему глубочайшему сожалению, получила четкий и неопровержимый отказ.

А теперь стоит упомянуть о еще одном полезном деле, которое Ирвелин удалось повернуть в последние три недели, пусть и совершенно случайно. Когда Ирвелин вернулась в Граффеорию, она была рада пополнить ряды любопытных завсегдатаев, повсеместно блуждающих от одного заведения к другому. Придорожные таверны, кондитерские, знаменитые бары набережной – ничто не ускользало от ее пытливого аппетита. А все потому, что в число страстей Ирвелин входило оно – наблюдение. Ей нравилось занимать столик в дальнем углу заведения и, притаившись за прозрачной броней отражателя (не дай Великий Ол кто-нибудь к ней подсядет!), с упоением наблюдать за рутинной жизнью граффов.

Рабочий день бывалого граффа начинался около девяти, а на завтрак многие жители королевства предпочитали шумную атмосферу ближайшей кофейни, где на их утреннюю газету клали горячие лепешки и скромный по размерам счет. Час с восьми до девяти утра был любимым часом у Ирвелин. Уже к восьми она приходила в выбранную кофейню, занимала место с лучшим видом, заказывала кофе и принималась за ненасытное наблюдение.

Эфемеры предпочитали высокую скорость и в утренней трапезе: буквально на бегу глотали кашу и, с брэнчанием оставив тарелку на баре, устремлялись к выходу. Отражатели и материализаторы, напротив, проявляли спокойствие;

эти граффы неспешно перелистывали страницы газет, заказывали себе чашку за чашкой, словно им и не нужно было куда-либо торопиться, и вели друг с другом монотонные беседы – беседы такого рода, от размеренности которых эфемеры падали в обморок. Штурвалы – граффы самостоятельные и самые независимые. Не утруждая официантов, вопрос логистики блюд штурвалы решали легким мановением своих рук: тарелки и приборы плыли к ним по воздуху от самой кухни. Левитанты – добряки, смех которых разносился по всему заведению, а иллюзионисты, эти вечно парящие в облаках фантазеры, могли целый час просидеть за остывшим завтраком и замороженно смотреть в одну точку.

Признанных мудрецов Граффтеории – телепатов – увы, вы не встретите ни в одном кафе королевства. Эти обособленные ото всех граффы предпочитают утро в уединении. К привычкам телепатов можно отнести с пониманием: чтение мыслей других людей, согласитесь, – занятие достаточно утомительное. Поэтому-то за телепатами и закрепилась репутация главных затворников Граффтеории.

Инициировать в заведении кукловода – граффа, способного дарить неживому признаки живого, – легче всего. Редкий кукловод не считает своим долгом прихватить на завтрак хотя бы одного из своих многочисленных животных. Бывало даже, кукловод брал в сопровождение сразу всех, как это делала почтенная дама в белой широкополой шляпке, чью фигуру Ирвелин встречала весь сентябрь в кофейне

«Вилья-Марципана». В двери кофейни почтенная пожилая дама заходила не одна, а в сопровождении полдюжины гладкошерстных кошек; в это утро две кошки ютились на костлявых плечах хозяйки, остальные же вяло семенили вокруг ее ног. Тетушка Люсия, владелица кофейни, всегда проводила процессию самым строжайшим из своих взглядов, но при этом в обслуживании почтенной даме не отказывала – постоянный гость, пусть и такой эксцентричный, был для нее на вес золота.

Во время своих наблюдений Ирвелин иногда приходилось быть свидетелем чужих разговоров. С соседних столиков доносились обрывки фраз, признания, семейные перипетии и даже целые истории – будто вся жизнь Граффеории концентрировалась здесь, на шатких стульях, в окружении сытости и горячего чая. Один из таких ненароком подслушанных разговоров случился и этим утром, а объектом подслушивания была та самая почтенная дама в белой шляпке, укутанная шелком и кошками. Звали почтенную даму госпожа Корнелия.

Вместе с Корнелией в кофейню вошла вторая дама, не менее пожилая и не менее важная. Всей дружной мяукающей компанией они присели за соседний от Ирвелин столик у черного рояля. Дамы сделали заказ (вареный лосось, много вареного лосося) и принялись за обсуждение свежайших сплетен.

– Будь они неладны, эти эфемеры!

– О ком ты говоришь, Корнелия?

– О своей невестке, разумеется, – с брюзжанием возмутилась дама. – Видишь ли, Патришия, вчера мы гостили в доме моего сына. Вечер провели великолепно: кошки насытились деревенским воздухом, а я таки размяла свои немолодые кости. Но утром!

– Что же произошло? – ахнула Патришия с признаками раболепия, в то время как несколько кошек прыгнули на роль и принялись вальяжно вышагивать по пыльной крышке, оставляя за собой следы лап.

– Невестка моя, крайне неразумное порой создание, – эфемер. И сегодня ей, видите ли, нужно было вскочить с постели ровно в пять. В пять утра, Патришия!

– Зачем же ей понадобилось вставать с рассветом?

– Поверишь ли ты? Чтобы посмотреть на этот самый рассвет! Видите ли, у них там, в Олоправдэле, он какой-то особенный. – Корнелия пренебрежительно округлила глаза. К ней на колени запрыгнул пятнистый кот, и дама принялась его гладить усыпанной перстнями рукой. – Мало того, в этот раз невестка решила привлечь в свою секту и меня. Она ведь знает о моем распорядке дня, которого я строго придерживаюсь вот уже тридцать лет. Знает! И что же вытворяет? Подходит к моей постели в пять утра и ласково говорит: «Просыпайтесь, Корнелия, светает».

– Какое неуважение к свекрови!

– Безобразие! – она вскрикнула так, что кот тут же спрыг-

нул с ее колен. – В моей жизни расписана каждая минута, и лишних импровизаций я не потерплю. Мой сон должен длиться до восьми, ровно до восьми!

Патришия понимающе закрутила головой.

– И только из уважения к любимому сыну мне пришлось подняться на три часа раньше и идти лицезреть проклятый рассвет. Семьдесят пять лет живу, а рассветов будто не видала! Первым же трамваем я сбежала оттуда. Теперь весь день придется носом клевать.

Патришия одобрительно цокала после каждого возмущения своей подруги, но на ее кошек, крутящихся рядом, она поглядывала с плохо скрываемой опаской, что Ирвелин весьма позабавило.

– А позавчера! Что со мной произошло позавчера! – продолжала Корнелия, подкармливая полосатого кота кусочком лосося. – Как ты знаешь, Патришия, по вечерам я гуляю, с шести до семи тридцати пяти. Маршрут мой каждый день неизменен. Никаких импровизаций! Сначала прогуливаюсь через дворцовые сады, сворачиваю на Банковский переулок и шагаю вплоть до Робеспьеровской. – Она резко вскинула руками, отчего с ее худых пальцев соскочило несколько крупных перстней. – Иногда, честное слово граффа, у меня складывается ощущение, что на этой треклятой улице живут одни смутьяны. Да, знаю, Патришия, что ты скажешь. Робеспьеровская славится своими фасадами, якобы самыми красивыми фасадами во всей Граффтеории, но, голубчик, и что

с того? На мой вкус, все дома там слишком вычурные...

– Так что же произошло на Робеспьеровской, Корнелия? – перебила подругу Патришия. Ирвелин ее мысленно поблагодарила, ей тоже не терпелось узнать суть претензии.

– Настоящее преступление! – Морщинистое лицо госпожи Корнелии возымело выражение грозной решимости. – Иду я, значит, со своими кошками, никого не трогаю, ведь мы, кукловоды, с уважением относимся к личному пространству каждого граффа. А вот тот сутулый господин, что выскочил прямо на меня и сбил меня с ног, точно не из кукловодов! И кто он по ипостаси – и так ясно. – Патришия показательно нахмурилась, делая вид, что ушла в глубокие раздумья. – Эфемер, Патришия, кто же еще! Будь они неладны, эти эфемеры! Выскочил на меня из лавки и деру дал! А до того, что достопочтенная немолодая женщина по его вине лежит на тротуаре, ему и дела нет. Я повредила колено, к его стыду будет сказано! Плюс ко всему...

В этот момент белая шляпка Корнелии съехала со спинки стула и упала на бетонный пол. Ирвелин, искоса заметив падение, инстинктивно наклонилась, схватила шляпку и через проем протянула ее хозяйке:

– Вы обронили.

– Что? – Госпожа Корнелия рассеянно приняла шляпу и остановила свой взгляд на протянутых руках Ирвелин. – Милочка, какие у вас грациозные кисти. Патришия, ты только взгляни!

– М-м-м? – Ее подруга нехотя обернулась, а Ирвелин так и застыла с протянутыми руками.

– У этой девушки потрясающей красоты руки! – произнесла Корнелия, вынув из своего крохотного розового ридикюля пенсне и приложив его к глазам. – А эти пальцы! Уникальная поэтичность! Будь я иллюзионистом, непременно бы изобразила их на бумаге или на небесном склоне...

– Спасибо, – неуклюже сказала Ирвелин и, когда наконец Корнелия перестала изучать ее пальцы, притянула свои руки к груди.

Патришия с пеной у рта выпалила:

– Что же случилось потом, на Робеспьеровской? Ты не закончила.

Корнелия зачарованно отвела глаза от Ирвелин.

– Верно. – Она убрала пенсне обратно в ридикюль, разместила шляпку у себя на коленях, откуда только что прыгнул серый кот, и глотнула чаю. – Тот, с позволения сказать, господин, который выскочил на меня, без устали бранился. Право, как жаль, что я не смогла вовремя заткнуть уши!

– Бранился? О чем?

– Всех его слов я не разобрала, к своему счастью. Что-то о срыве какой-то важной сделки. И Белый аурум припомнил, и Мартовский дворец. Как ему не совестно было среди бранных слов упоминать эти священные творения!

Покачав головой, Патришия с заботой погладила плечо Корнелии.

– Как же ты справилась, моя дорогая?

– Не без последствий, разумеется, – с почестью приняв сожаление подруги, сказала госпожа Корнелия. – Мое колено до сих пор поскрипывает.

Больше из разговора двух подруг Ирвелин ничего не запомнила, с этого момента она всеми мыслями ушла в себя. После сентябрьских событий она впервые встретила упоминание о Белом ауруме, и упоминание это было странным. Невероятное совпадение, что произошло оно снова на Робеспьеровской. Но где именно на Робеспьеровской? Улица раскинулась по обе стороны от реки Фессы, ее протяженность не менее десяти верст. Ирвелин снова обратилась в слух, вот только подруги безвозвратно отошли от темы – госпожа Корнелия начала с воодушевлением перечислять имена своих драгоценных кошек, и, судя по надменной улыбке Патришии, та не встретила инициативу подруги с восторгом.

На следующий день настроение Ирвелин не задалось с самого утра. Забежав в одну из лавок на Скользком бульваре, она с грустью осознала, что не может себе позволить большинства пунктов из своего списка. Она прохаживалась по тесному залу, усыпанному всевозможными баночками и бутылками, методично вычеркивала пункт за пунктом и старалась не падать духом. Стиральный порошок – вещь, пожалуй, заменимая, в ее арсенале есть несколько кусков отличного душистого мыла; хлопковые полотенца с именной вышивкой от известной швеи – материализатора – не более чем

хвастовство. Вместо нового рюкзака за шестьдесят две реи (с пуговицами из настоящей бирюзы!) Ирвелин взяла моток ниток и пару кусков рогожки и вышла из магазина расстроенной.

По пути домой Ирвелин брэнчала скудными покупками и провожала взглядом покачивающиеся на ветру вывески. На углу улицы Левитантов ее взгляд в который раз остановился на кирпиче сливового цвета и стоящем в тени черном рояле. Следуя едва уловимому всплеску интуиции, Ирвелин вошла.

Когда время завтраков подходило к концу, кофейня «Вилья-Марципана» постепенно пустела. Не застав у барной стойки ни одного граффа, Ирвелин приблизилась и застала Тетушку Люсию за ее обычными делами.

– Доброе, – не поднимая головы от кассы, произнесла Тетушка Люсия. Она скрупулезно перебирала карточки постоянного гостя. – Что будете заказывать сегодня?

– Ничего не нужно. Я к вам с одним вопросом.

Приостановив подсчет карточек, Тетушка Люсия посмотрела на Ирвелин исподлобья.

– По какому вопросу?

Свои последующие слова Ирвелин произнесла быстро и скомкано, повинувшись скорее инстинкту выживания, чем истинному намерению.

– Скажите, вам, случайно, не требуются дополнительные руки? Официанты, например, или уборщики.

Услышав ее вопрос, который, к неудовольствию Ирвелин,

оказался для Тетушки Люсии малоинтересным, хозяйка поправила свои круглые очки и продолжила перебирать карточки.

– Нет, новые работники нам не нужны.

– Даже на полставки?

– Даже на полставки.

Мимолетный порыв обернулся новым провалом. Огорчившись, Ирвелин уже вознамерилась отойти и более не отвлекать Тетушку, как из-за ее спины раздался знакомый голос, который был преисполнен радости куда больше, чем голос Ирвелин.

– Тетушка Люсия! Вы вся сияете!

Женщина снова отложила карточки и посмотрела на Августа Ческоля с претензией, точно летучая мышь, которая только-только притаилась в своем гнезде, а тут он, смелый человек, посмел ей помешать.

– Август Ческоль, – сказала Тетушка, вздыхая. – Напоминаю, пустые комплименты в счет не идут, и бесплатного кофе вы не получите.

– Обижаете! – Август подошел ближе и по-хозяйски облокотился на стойку. – Ни за что на свете не возьму на себя грех не заплатить за лучший черный кофе в Граффеории.

– Вам одну чашку? – спросила Тетушка Люсия, пропуская комплимент мимо ушей.

Август кивнул и повернулся к Ирвелин:

– Привет!

– Привет, – откликнулась Ирвелин без единой эмоции. Она ощутила легкий укол обиды. Желания говорить с Августом у нее не было, и она приготовилась прощаться, только вот левитант начал говорить вовсе не с ней.

– Вынужден признаться, что я стал свидетелем вашего разговора. Совершенно случайно, конечно. – Он изобразил виноватую улыбку. – Так вот, Тетушка Люсия, прошу, потратьте на меня еще минуту своего драгоценного времени и ответьте – не забыли ли вы мой совет? Если забыли, мне несложно будет его напомнить.

Ирвелин сделала попытку к тому, чтобы отойти, но Август, заметив это, приятельски похлопал ее по плечу, недвусмысленно намекая на ее присутствие. Тетушка Люсия сняла очки, которые остались висеть на цепочке, и обратила на Августа взгляд, полный сдержанной пронизательности. В этот момент она напомнила Ирвелин строгую учительницу, которая делала выговор особо вредному ученику.

– Лишиться хорошей памяти я пока не успела, господин Ческоль, и прекрасно помню ваш совет. Однако. – Она сделала паузу, отчего ее речь показалась невыносимо грозной. – Я – потомок древнейшего рода Флиция, и наш род пользуется уважением графов с самых первых лет правления Великого Ола. И я не позволю, чтобы в заведении моей матери за клавиши фамильного раритета садилась очередная молодая посредственность.

– Неужели за целый год к вам приходили одни лишь по-

средственности?

– Только они, господин Ческоль. Отличить талант от откровенной бездарности не так уж и сложно, знаете ли. – Тетушка Люсия вздернула подбородок. – И те, кто приходил испытать мой тонкий слух, талантом были отнюдь не обременены.

Август не смог сдержать снисходительной улыбки:

– Тетушка Люсия, со всем уважением, – а вас, прошу заметить, я уважаю как никого другого, – если мне не изменяет зрение, то у вас тут не королевская филармония, а маленькая столичная кофейня. Или та дверь на кухню, что испачкана мукой, на самом деле ведет в партер?

Тетушка Люсия оскорбленно сомкнула губы, и Август заторопился положение сгладить. Он едва заметно взлетел, чтобы оказаться чуть ближе к хозяйке кофейни, и смягчил прежде снисходительное выражение:

– Дорогая Тетушка Люсия. Я уверен, что изысканность вашего вкуса и ваша бескомпромиссность несут для этого заведения исключительно хорошую службу, – пропел он, после чего Тетушка Люсия, как показалось Ирвелин, только сильнее оскорбилась. Август продолжал: – Но вы взгляните на ваш так называемый фамильный раритет. – Он махнул рукой в сторону рояля. – Уже более десяти лет он чахнет под пылью, не имея возможности дарить этому миру красоту своего звучания. Мне, как любителю, кажется, что рояли созданы для того, чтобы на них играли, а не для того, чтобы быть

немой пыльной статуей. К счастью, – выражая значимость момента, Август резко поднял руки вверх, отчего Ирвелин и Тетушке Люсии пришлось отклониться, – я могу снова подарить вашему роялю жизнь. Прямо сейчас я готов представить вам талантливого музыканта, непризнанного столичного гения – Ирвелин Баулин!

По мере течения их беседы сложно было не догадаться, к чему именно вел Август. И Ирвелин догадалась, но услышав столь высокопарные слова и сразу после них – свое имя, все же смутилась. Какими бы благими цели у Августа ни были, он бессовестно преувеличивал, учитывая, что он ни разу не слышал ее исполнения.

Ирвелин продолжала стоять на том же месте у стойки, гипнотизируя меню, выписанное мелом прямо на стене. Божьим зрением она увидела, как Тетушка Люсия вернула свои очки на переносицу и принялась изучать ее фигуру с большей заинтересованностью.

– Вы играете на фортепьяно? – задала она краткий вопрос.

– Играю, – так же кратко подтвердила Ирвелин.

Тетушка Люсия продолжала разглядывать Ирвелин, даже не пытаясь скрыть во взгляде сомнение. Ее интерес плавно перешел на кисти девушки, которые Ирвелин держала на стойке. Эх, если бы она заранее знала о том, что ее руки второй раз за сутки подвергнутся оценке, то вчерашний вечер она потратила бы не на посадку жасмина в мамины горшки с копошением в земле и грунте, а на чистку ногтей. Как и сле-

довало ожидать, Тетушка Люсия не проявила того восторга, который вчера так ярко проявила госпожа Корнелия, и, хмыкнув, вернулась вниманием к говорившему Августу.

Следом из уст Тетушки Люсии Ирвелин пришлось выслушать три безоговорочных отказа, обращенных скорее к Августу, чем к ней. Август же сдаваться отказывался. От комплиментов таланту Ирвелин он переходил к комплиментам самой Тетушке Люсии. Чем только он не восхищался: аккуратностью ее прически, ее цепочкой для очков, даже ее завитушками на чеках. Хозяйка кофейни сдалась, когда Август пообещал привести в «Вилья-Марципана» полный состав лагеря из левитантов-кочевников. В чем была истинная причина ее отступления, Ирвелин так и не поняла. То ли она действительно обрадовалась привлечению потенциальных гостей, то ли поддалась обаянию Августа, то ли попросту устала от его болтовни. В чем бы причина ни состояла, Тетушка Люсия все же пригласила Ирвелин на прослушивание, добавив при этом, чтобы девушка не обременяла себя излишней надеждой.

После того как они договорились о времени прослушивания (завтра, перед открытием), Август пригласил Ирвелин разделить с ним удовольствие от лучшего кофе в Граффеории. Она согласилась.

– Это был подкуп, не так ли? – спросила Ирвелин, когда они сели за столик у окна.

– Вроде того, – ответил Август без улыбки. – Видишь ли,

я не люблю чувствовать себя паршиво, а после того дня у Миры я чувствую себя паршиво постоянно. Решил, что мне нужно срочно это исправить.

– Ясно, – сказала Ирвелин, отвернувшись к окну. – Во всяком случае, спасибо. Спасибо за возможность.

– Рад быть полезным.

Если Август думал, что Ирвелин сейчас накинется на него с расспросами о Белом ауруме, то он ошибался. Несмотря на его содействие с Тетушкой Люсией, Ирвелин не переставала дуться. Она глядела на проходивших мимо окна граффов, которые пинали осеннюю листву, и размышляла над пьесами, которые ей стоит завтра сыграть на прослушивании.

– Тетушка Люсия – начальник не самый ласковый, но человек она хороший, порядочный, – сообщил вдруг Август. – А такая нелюдимая она только в последнее время, всему виной заведение напротив – видишь, с треуголкой на вывеске? Это таверна, «Семерым по якорю» называется. Бывала там?

– Нет, – ответила Ирвелин, глядя на черную треуголку, довольно криво изображенную.

– Это хорошо, рекомендую тебе упомянуть об этом на завтрашнем прослушивании.

Ирвелин в изумлении обернулась.

– Сейчас поясню. – Август отхлебнул из чашки и, довольный возможностью рассказать чью-то историю, откинулся на спинку стула. – «Вилья-Марципана» существует уже шестьдесят лет. Кофейню открыла матушка Тетушки Люсии, ис-

панка по национальности. В молодости, на своей родине, она познакомилась со своим будущим мужем и отцом Тетушки Люсии, а тот был граффом, и когда они поженились, то переехали жить сюда, в Граффеорию. Отец, как я знаю, работал в Банковском переулке обычным клерком, а вот молодой жене захотелось чего-то большего. Спустя несколько лет на последние сбережения она открыла кофейню «Вилья-Марципана», и не на улице Сытых голубей, знаменитой своими ресторанами, а на тихом перекрестке улиц Доблести и Левитантов. Вся тогдашняя публика пророчила чужестранке убытки. Никто не верил ни в нее, ни в ее дело – как ты наверняка знаешь, в то время граффы недолюбливали понаехавших сюда иностранцев. Однако спустя месяцы работы маленькая кофейня обрела у общественности большое признание. Моя бабушка рассказывала, что Фера Флиция, матушка Тетушки Люсии, была невероятно доброй и регулярно устраивала в своей кофейне бесплатные обеды для бездомных. Здесь проводили собрания местные клубы, граффы устраивали музыкальные вечера с танцами и иллюзорными шоу, даже телепаты порой сюда заглядывали – а это, скажу я тебе, показатель. К слову, многие считают, что эпоха душевного принятия иностранцев возымела свое начало именно с кофейни иностранки Феры Флиция.

– Когда дочке Феры исполнилось шестнадцать, та стала помогать матери, чем обратила кофейню в семейный бизнес. Молодая Люсия Флиция с самого отрочества была в курсе

всех здешних дел, вела счетную книгу и ежедневно работала за этой стойкой, – он махнул назад, туда, где повзрослевшая Люсия сосредоточенно протирала витрину с выпечкой. – Когда родители умерли, кофейня по наследству перешла к их единственной дочери. Долгие годы кофейня продолжала собирать огромное количество посетителей, пару раз сюда заглядывала сама королева, – это бабушка мне рассказывала, но не советую полагаться на ее слово абсолютно. Но ничего в этом мире не бывает вечным, и спустя полвека успешной работы напротив «Вилья-Марципана» открывается таверна. Я заходил туда пару раз. У них там помимо недорогого ресторанчика, что на первом этаже, еще и гостиница имеется, на втором. Ходят слухи, что комнаты они предлагают только для местных, не для иностранцев, как в отелях на Туристическом бульваре. Тут-то у «Вилья-Марципана» и настали темные времена. Выручка упала, половина персонала уволилась, изрядная часть постоянных посетителей переметнулась к конкурентам – и вот уже десять лет как Тетушке Люсии приходится нелегко.

– И что же ты посоветовал ей? – спросила Ирвелин, вспомнив упоминание в их беседе о некоем совете.

– Вспомнить былое, – сказал Август, просяив от пробудившегося любопытства Ирвелин. – Видишь ли, после того как Фера Флиция умерла и за вожжи правления встала Тетушка Люсия, в кофейне перестали проводиться какие-либо развлечения. Ни музыкальных вечеров, ни танцев, ни шоу

иллюзионистов. Одни пироги да чай. Вот я и посоветовал Тетушке Люсии вдохнуть в кофейню прошлой жизни. Размышлял я так. Граффы – народ придиричивый, а удивить тех, кто воспринимает чудеса как данность, – дело сложное. У Феры Флиция, согласно суждению моей бабушки, недурно выходило приручать граффов с помощью своей доброты и любви к искусству. По словам бабушки, Фера была выдающейся пианисткой. Каждый вечер она садилась за этот рояль и играла для своих посетителей. Не пропускала ни дня, представляешь? Моя бабушка постоянно твердит, что мы, граффы, заостенели к обыкновенному мирскому искусству.

Мимо их столика прошли две укутанные в шарфы девушки и, услышав речь Августа, с интересом опустили на него взгляд. Август помахал им, чем спровоцировал общее замешательство, и девушки, хихикая, вышли из кофейни. Леви-тант как ни в чем не бывало продолжал:

– Так вот, прихожу я, значит, год назад к Тетушке Люсии и говорю: «А что, если вы вернете в „Вилья-Марципана“ старые добрые традиции Феры Флиция?»

– И что Тетушка Люсия ответила?

– Ответила, что скорее она пригласит кукловодов устраивать представления танцующих табакерок, чем позволит кому-либо играть на рояле ее матери.

Август усмехнулся, а Ирвелин стало не по себе. Она обернулась, чтобы посмотреть на черный рояль, и теперь его неопрятный вид не казался ей таким уж неопрятным. Теперь

его пыль как будто обрела свой сокровенный смысл.

– А семья у Тетушки Люсии есть? Дети?

– Нет, детей у нее нет. Живет одна, а ее квартира прямо над этим потолком.

Взгляд Ирвелин перешел от рояля на все старинное помещение. Глубокие трещины на стенах теперь виделись ей чарующими отпечатками прошлого, а расшатанные столы и стулья – оберегами истории, которая творилась здесь; даже сидеть на этих стульях стало гораздо значительнее.

Их молчание затянулось. Август смотрел в окно на спящих туда-сюда граффов и украдкой поглядывал на Ирвелин, словно хотел что-то сказать, но никак не решался.

– Давай прогуляемся? – вдруг предложил он.

Они вышли в объятия пасмурного октября. Несмотря на близость полудня, над мостовой парила синеватая дымка. Спасаясь от ветра, Ирвелин поглубже спрятала еще теплые руки в карманы пальто.

– Я хотел бы извиниться перед тобой, Ирвелин, – произнес Август чуть слышно: его голос заглушал ветер. – Мы усомнились в тебе, а делать этого не следовало. – Ирвелин неоднозначно тряхнула головой, сама не понимая, что именно хотела этим сказать. – Себя я оправдывать не буду, – продолжал левитант, – а вот Миру... Эх, Мира. Язык ее бежит быстрее ее головы. Вот и все, что нужно знать о ее характере. Мира – человек неплохой, только больно сумасбродный. Сама она, кстати, считает, что ты никогда больше не захочешь с

ней разговаривать.

Ирвелин посмотрела вдаль. Там, за шпилями городских ворот, виднелись вершины восточных гор. Дюры. В пасмурную погоду их обволакивал туман и казалось, что они вот-вот исчезнут.

– Знаешь, у меня было время подумать, и я пришел к выводу, что не стоит осуждать детей за ошибки их родителей.

Наверное, Август полагал, что эта фраза задобрит Ирвелин, и она отгадет, однако вместо прощения Ирвелин без каких-либо чувств заявила:

– Я не осуждаю своего отца.

Августу оставалось только удрученно кивнуть.

Они миновали улицу Сытых голубей, по которой туда-сюда разъезжали лихие велосипедисты; их поклажи, нагруженные овощами, свисали с плетеных корзин. Доставщики так торопились развезти продукты по ресторанам в срок, что обычных прохожих они замечать не хотели, и Август и Ирвелин прошли этот перекресток короткими перебежками, лавируя от одного велосипедиста к другому. Один раз, предотвращая лобовое столкновение, Августу пришлось даже взлететь.

– А твои родители живут в Граффеории? – спросила Ирвелин с желанием сменить тему.

– Мои родители давно умерли, – ответил Август. Ирвелин поспешила извиниться за свой вопрос, столь неосторожный, но Август ее перебил: – Все нормально. Меня воспитали де-

душка с бабушкой. В какой-то мере они заменили мне родителей, и я никогда не считал себя сиротой. Я вырос в счастливой семье. А родители мои умерли, когда я еще ходить-то не научился.

Теперь настала очередь Августа поскорее сменить тему.

– Скучаешь по своим предкам?

Ирвелин кивнула, с грустью осознав, что долгая разлука давалась ей с трудом.

– А по друзьям? По тем, что остались в большом мире.

– Там у меня не осталось друзей, – ответила Ирвелин кратко.

Август лишь на мгновение зафиксировал на Ирвелин взгляд, а потом, добавив голосу непринужденности, возвестил:

– Мы тут все болтаем и болтаем, а тебе, должно быть, не терпится узнать о Белом ауруме?

Утаивать свое любопытство было бы, пожалуй, глупо, и Ирвелин кивнула.

Граффы вышли на залитую туманом набережную, где перед ними раскинулась зеркальная гладь реки Фессы, главной реки Граффтеории. На ее поверхности отражались заостренные концы черепичных крыш и просторы бесконечного неба. Сейчас хмурое небо стало виновником и хмурой реки, течение ее было спокойным и плавным. Двое соседей зашагали вдоль реки направо, туда, где было меньше чужих ушей. Мимо них в паре метров от земли пролетела девушка-леви-

тант с собранным наспех хвостиком; во время полета она умудрялась что-то скрупулезно записывать в тетрадь. Обувью девушка решила пренебречь, и ее голые ступни деловито болтались в промозглом воздухе. Заметив на пути двух граффов, она отвлеклась от своего письма и мимолетом их оглядела; глаза девушки остановились на Августе, отчего она немного засмушалась, а после одарила левитанта несмелой улыбкой. Август обратил к ней лицо и подмигнул в ответ, заставив девушку покрыться ярким румянцем и в спешке полететь дальше.

Ирвелин обернулась на Августа. Не нужно быть выдающимся телепатом, чтобы понять, что небрежный облик левитанта во главе с его обаятельностью привлекали к себе много внимания. При этом такого точеного, благородного лица, как у Августа, Ирвелин раньше не встречала; над гравировкой его черт трудился не один природный скульптор. Если в мире и существовала очевидная красота, то это была именно она. Август, разумеется, знал об этой своей особенности, принимал и умело пользовался.

– Когда ты ушла от нас, мы еще долго не могли принять решение более-менее вразумительное, – начал рассказывать Август в приподнятом настроении. – Было и страшно, и интересно, настоящий ли Белый аурум лежал перед нами. Интересно было в первую очередь мне, Мира же от негодования беспрерывно плевалась слюной, но эти подробности мы опустим. В итоге ближе к вечеру Мира позвонила в полицейский

участок. Она сказала им, что обнаружила у себя посторонний предмет, смутно напоминающий Белый аурум. Со словом «смутно» она, конечно, погорячилась – перед нами лежала его точная вибрирующая копия. Они прождали желтых плащей не дольше пяти минут...

– Они? – уточнила Ирвелин.

– Да, Филипп и Мира. Я ушел. Так Филипп решил. Он посчитал, что раз первая группа полицейских меня в квартире Миры не видела, так пусть и вторая не видит. Чем меньше народу задействовано в этой тайне, тем лучше. На этом и сошлись, и с Мирой остался только Филипп.

– А к Мире пришел тот же детектив? Ид Харш?

– Нет, во второй раз пришла женщина. По словам Филиппа, она не сильно надеялась на успех, но когда Мира показала ей белый камень, то женщина, ха, оживилась. Посыпались распоряжения. Белый аурум спрятали в какой-то ларец, а Мире и Филиппу сказали ехать вместе с плащами в участок. В тот же день была проведена экспертиза.

– И что же? – В предвкушении ответа Ирвелин остановилась.

Август, нагнувшись к ней поближе, прошептал:

– Подлинник. В квартиру Миры кто-то подкинул настоящий Белый аурум.

Ирвелин открыла рот, потом закрыла, потом снова открыла и застыла в таком нелепом положении. Что же получается? Она вот этими руками держала настоящий Белый аурум?

– Миру и Филиппа пригласили на допрос, к той женщине-детективу. Там же присутствовала и телепат, которая сканировала нас в Мартовском дворце. Нет, – заранее отвечая на вопрос Ирвелин, вставил Август. – Сканированию их больше не подвергали. Телепат вспомнила и Миру, и Филиппа, и их показания приняли за чистую монету, однако обоим обязали не пересекать границ Граффеории до конца расследования и попросили записать имена граффов, которые имели доступ в квартиру Миры. Вот так.

– Желтые плащи, наверное, устроили в участке праздник.

– Как минимум отметили яичной настойкой, – усмехнулся Август.

– Но кто же подкинул Мире Белый аурум? И зачем?

Сильный порыв ветра заглушил вопросы Ирвелин, посылая их вместе с листьями на другую сторону реки.

– За все три недели, прошедшие со Дня Ола, я ни разу не встречала упоминания о краже Белого аурума, – поделилась Ирвелин. – Неужели желтым плащам удалось скрыть от граффов событие такого масштаба?

– Как мы видим, удалось. Да и вспомни, Ирвелин, кто именно присутствовал в Мартовском дворце на День Ола: известные лекари, дипломаты, придворные короля, даже детектива вон пригласили. Это не тот сорт людей, который болтает где ни попадя. Я больше удивлен, что сам не проболтался, а я, знаешь ли, тот еще...

– Погоди! – Ирвелин вдруг осенило. – Однажды я все же

слышала о Белом ауруме. Вчера!

И она пересказала Августу подслушанный накануне разговор двух пожилых подруг.

– Как эта Корнелия описала того, кто ее сбил на тротуаре? – уточнил Август, дождавшись, когда Ирвелин закончит.

– Сутулый господин. Эфемер. Он говорил про срыв какой-то сделки и про Белый аурум, – повторила Ирвелин.

– И он выскочил на нее из какой-то лавки на Робеспьеровской?

– Да.

– А названия лавки госпожа Корнелия не упоминала?

– Названия не помню, – призналась Ирвелин, в задумчивости глядя на плавающие по реке алые листья. – Может, она и не говорила о нем. А что, ты знаешь, кто мог быть тем сутулым господином?

– Знать я, к сожалению, не могу, могу лишь догадываться. А догадка – вещь не самая надежная, поэтому я лучше пока промолчу.

Ирвелин бросила на Августа изумленный взгляд, не ожидая от левитанта столь изысканной мудрости, на что тот беспечно отмахнулся и вставил что-то про Филиппа.

С набережной они вышли на Робеспьеровскую. Шагая по витиеватой улице, каждый про себя прикидывал, откуда мог выскочить упомянутый сутулый господин, но так как в распоряжении граффов не было ровно никаких зацепок, а лавок на Робеспьеровской было порядком, им оставалось только

идти и бесцельно озираться.

Красный кирпич дома номер 15/2 как и прежде ярко выделялся среди окружающей его россыпи приглушенного камня. Черный фонарь опасно покачивался в упорном сопротивлении ветру, а тяжелый молоток в форме грифона бронзовыми глазами наблюдал за стараниями фонаря и приветствовал граффов в своей обыкновенной надменной почительности. На площадке второго этажа, где малиновый ковер был настолько обшарпан, что практически утратил свое законное право называться малиновым, Ирвелин и Август попрощались друг с другом. К удивлению Ирвелин, разговаривать с Августом ей было легко. Намного легче, чем с другими граффами, с которыми она успела пересечься в Граффтеории с сентября.

Загремели связки ключей, заскрипели несмазанные замочные скважины. Не успела Ирвелин зайти за порог, как за ее спиной раздался встревоженный голос Августа:

– А это уже интересно.

Она обернулась. С протянутой рукой Август замер перед дверью с серебристой цифрой шесть.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Допускаю, что да.

– Что-то с дверью?

Август обернулся:

– Я всегда закрываю дверь на один замок. Нижний.

– Твоя дверь была открыта?

– Нет, закрыта, – сказал он. – Но на два замка.

Ирвелин в замешательстве свела брови.

– Значит, дверь закрыта и все в порядке?

– Я всегда закрываю дверь на один замок! – выходя из себя повторил Август. – И сегодня утром я тоже закрыл только нижний замок. А сейчас закрыты оба!

До Ирвелин наконец дошел весь корень проблемы. Она обошла лестницу и, остановившись рядом с Августом, предположила, что он мог отвлечься и случайно закрыть дверь на оба замка.

– Исключено, – отрезал Август. – Я уже и не помню, какой ключ на моей связке от верхнего замка. – Он помахал перед Ирвелин связкой из разномастных ключей, некоторые из которых были глубоко ржавыми.

– Думаешь, кто-то чужой проникал в твою квартиру?

– Я не думаю, я утверждаю, – сказал он и принялся в спешке подбирать ключ к верхнему замку. Спустя пять попыток замок одобрительно щелкнул, и Август, обернувшись на Ирвелин, осторожно приоткрыл дверь.

Внутри было тихо. Ирвелин вошла вслед за Августом, крепко сжав в руке свое единственное средство защиты – ключи. К счастью для обоих, сражаться оказалось не с кем: Август оббежал все комнаты и громко уведомил Ирвелин из ванной, что квартира пуста.

– Если здесь кто-то и был, то он уже ушел, – сказала Ирвелин, ослабив хватку с ключами.

– Здесь точно кто-то был, – отозвался Август тоном, который дал ясно понять – переубедить левитанта было бесполезно.

Из прихожей, где стояла Ирвелин, была видна только часть полупустой гостиной. Высокий потолок и выбеленные стены создавали ощущение пространства будто бы нежилого. На полу лежал одинокий матрас, а за ним – пара стульев с небрежно скинутой на них одеждой. Голые окна выходили во внутренний дворик, где росла старая черемуха.

– Все на месте? – спросила Ирвелин, когда Август вышел к ней.

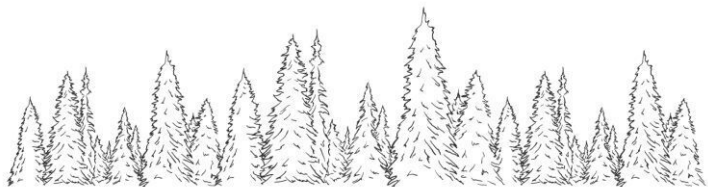
– Вроде на месте, – ответил Август, напряженно осматриваясь. Когда его взгляд дошел до Ирвелин, он скривил губы в попытке усмехнуться. – Считаешь меня сумасшедшим?

– Нет, не считаю, – серьезно ответила Ирвелин. – Три недели назад кто-то неизвестный проник к Мире, а теперь – к тебе. Может, если мы сейчас все тщательно здесь проверим, – и Белый аурум найдем.

Ирвелин хотела пошутить, чтобы немного расслабить накаленное состояние Августа, однако, встретившись взглядами, оба граффа резко сдвинулись с места и принялись за поиски.

Глава 8

Ключ, которого нет

Вопреки всем переживаниям, Белого аурума в квартире Августа не было. Именно в тот день и в тот самый момент, когда Ирвелин Баулин и Август Ческоль бегали по полупустой квартире номер шесть, желтые плащи привезли настоящий Белый аурум обратно в Мартовский дворец. Стекло-анный куб с обновленным замком уже стоял в галерейном зале. В числе лиц, участвующих в транспортировке артефакта, присутствовал и детектив Ид Харш. Этот угрюмый графф стоял посреди галереи, следил за возвращением Белого аурума в куб и по своему обыкновению держал кустистые брови на переносице.

– Детектив?

К нему обратился его младший помощник по имени Чват, щуплый юноша с копной кучерявых волос.

– Слушаю, – отозвался Харш.

– Странное дело, детектив, – начал юноша, переминаясь с ноги на ногу. Его разрывало от любопытства, но будучи человеком застенчивым, для удовлетворения этого любопытства он нуждался в приличной толике смелости. – Я сегодня читал... знакомился с отчетом, детектив.

– Поздравляю тебя с этим, Чват.

– Да... да, благодарю, господин Харш. Так вот, – продолжал он, сильнее смущаясь. – В отчете указано, что Белый аурум был обнаружен в доме номер 15/2 по Робеспьеровской, и что в участок камень доставила группа детектива Парсо.

– В отчете все указано правильно, – не дрогнув ни одной мышцей, сказал Харш.

– Но ведь... как я знаю... как вы сами мне рассказывали, детектив, там была ваша группа, в этом самом доме. Утром того же дня, то есть раньше прибытия группы детектива Парсо. С целью отыскать нужного человека вы заходили к госпоже Мирамис Шаас, у которой впоследствии и был найден Белый аурум.

– Ты поразительно наблюдателен, Чват.

Молодой прислужник покраснел, упустив из внимания жестокую язвительность своего начальника.

– Выходит, Мирамис Шаас ничего не сказала про Белый аурум... вам? Что он... что он был у нее, когда вы приходили к ней.

– Госпожа Шаас мне ничего не сказала, – ответил Ид

Харш, после чего едва заметно поморщился, увидев, как Чват достал из своего кармана длинный блокнот со связкой карандашей и начал в него что-то быстро записывать. – И как Мирамис Шаас впоследствии объяснила сей скользкий нюанс детективу Парсо, мне пока не докладывали. По моим подозрениям, которые я склонен считать за истину, госпожа Шаас сказала ей, что к приходу моей группы камень она еще не обнаружила.

Слушая начальника, Чват строчил и строчил, а закончив, ткнул в бумагу точку и обратился в задумчивое молчание. Харш было обрадовался окончанию допроса от своего назойливого помощника, но спустя пару минут Чват оживился ВНОВЬ:

– А вы, детектив, проводили в том доме на Робеспьеровской обыск, но проводили его у другого графа, правильно?

– Верно, у другого. У меня был ордер на обыск квартиры госпожи Ирвелин Баулин.

Отдых, о котором посмел мечтать Харш, был отложен. Мало того что в День Ола, в свой заслуженный выходной, ему пришлось работать в две смены, так еще и расследовать дело о похищении Белого аурума поручили именно ему.

– А в чем провинилась Ирвелин Баулин? – спросил Чват.

Ответил Ид Харш с заминкой. Он прикрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул; его младший помощник выжидающе смотрел куда-то сквозь него и крутил в руке карандаш. Так и не раскрыв глаз, монотонным голосом Харш прогово-

рил:

– В День Ола госпожа Ирвелин Баулин была гостем на ковровом приеме здесь, в Мартовском дворце. Гостем со случайным билетом, как выяснилось позже. Однако главной причиной нашего обыска выступил факт, что госпожа Ирвелин Баулин является родной дочерью господина Емельяна Баулин, чьи помыслы тринадцать лет назад привели Граффеорию к первому случаю кражи Белого аурума в истории.

Чват оторопел. Шапка его темных курчавых волос встала дыбом.

– Впервые слышу об этой краже.

Тринадцать лет назад Харшу было примерно столько же лет, сколько сейчас Чвату. Моложавый штурвал только-только заступил на службу и помышлял о головокружительной карьере в сфере обеспечения правопорядка. Это первое громкое дело, с которым столкнулся Харш. Кража сердца королевства, вероломство которой не подлежало сомнению, и поимка с поличным сразу троих виновных – все как в его любимых книгах! Он хорошо помнил бурлящую в участке панику. Как! Сейф Белого аурума, до сих пор неприступный, оказался вскрыт! Он хорошо помнил и суд, и выражение лица Емельяна Баулин на этом суде. Столь спокойного, преисполненного благородством выражения Харш не встречал ни до, ни после этого суда. Способа, которым он смог открыть стеклянный куб, Емельян так и не выдал, и в связи с этим ему предоставили выбор: тотальное сканирование или безотла-

гательная депортация. Выбор он сделал в пользу последнего.

Столько лет прошло, а мнение Ида осталось прежним. Емельяна Баулин выгнали из королевства вовсе не из-за его преступления. Первопричиной выступил страх граффов перед человеком, способным совершить невозможное.

– И хорошо, что впервые слышишь, – сказал Харш. – Власти Граффеории тогда все силы кинули на то, чтобы ограничить круг лиц, знающих эту историю. К тому же воры даже не успели вынести Белый аурум из дворца. Зря баламутить народ не было причин.

Новость буквально вскружила пытливому Чвату голову. Его любопытство разгорелось с новой силой, словно в почти остывшую печь подкинули дров.

– Получается, дочь того самого вора живет в том же доме, где три недели назад нашли похищенный Белый аурум?

– Да, – подтвердил Харш.

– И та самая дочь общалась с госпожой Мирамис Шаас?

– Да.

Чват задумчиво обратил свой рассеянный взгляд вперед, на столпотворение граффов в экспозиционной части зала.

– Посмею предположить, господин Харш, что именно она, Ирвелин Баулин, украла Белый аурум по наставлению своего отца, а потом спрятала камень у своей подруги.

Соблаговолив повернуться к своему помощнику, сыщик сказал:

– Я думал точно так же, Чват. Но тогда зачем ее подруга

сдала похищенный камень полиции?

– Ирвелин Баулин не раскрыла своего замысла Мирамис Шаас, – с готовностью дал ответ юноша. – И та, обнаружив Белый аурум у себя, обратилась к нам.

Харш пренебрежительно вскинул бровями.

– Не самая крепкая теория, но допустим. Видишь вон тот стеклянный куб?

– Вижу, – ответил юноша.

– Знаешь, каким образом можно открыть этот куб?

Щеки Чвата снова покрылись румянцем. Как же стыдно, когда на вопрос начальника приходится отвечать невежеством.

– Не знаю, детектив.

Ид Харш с прищуром оглядел Чвата с ног до головы.

– Сколько ты уже работаешь у меня, Чват?

– Вчера был ровно месяц.

– Хм. – Харш скрестил руки на груди. – Ладно. Тогда запоминай, раз желаешь участвовать в расследовании. Существует только один способ открыть куб и вытащить из него Белый аурум.

Низкорослый графф, стоявший у куба, взмахнул рукой, и стеклянная дверца начала медленно закрываться. Чват, взволновавшись, не мог решить, что ему следовало сейчас делать – наблюдать за граффом у куба или записывать наиздания начальника. Тем временем Харш продолжал:

– Способ этот придумали еще во времена Великого Ола.

Открыть стеклянный куб можно только с помощью ключа, которого нет.

Чват, сделавший выбор в пользу конспекта, в смущении остановил карандаш.

– Это как, детектив?

Уповая только на силу своего терпения, Харш пояснил:

– Ключ, которым прямо сейчас наш коллега запирает дверцу куба, будет уничтожен в течение часа после процедуры. Это ключ, которого нет.

Позабыв о блокноте и конспекте, Чват уставился на руки низкорослого граффа. В них поблескивал ключ, которым графф защелкивал на кубе железный замок.

– А дубликат? – спросил юноша.

– Дубликата не существует.

– Значит, Белый аурум никак не достать?

– Достать.

Ох, бедный Чват. Было видно, как он мучился, переводя растерянный взгляд от Харша к Белому ауруму.

– Но как же?.. Вы же только что сказали...

– Чват, ты ведь вроде как материализатор? – перебил его Харш. Юноша кивнул и отвел глаза, словно стыдился своей ипостаси куда больше, чем своего невежества. – Тогда это я, штурвал, должен спросить у тебя, материализатора, – каким же образом можно открыть стеклянный куб?

– Если прототипа нет... Нужно воссоздать этот ключ из небытия без прототипа? – догадался Чват.

– Именно! – возликовал Харш, как умел ликовать только он – с выпученными глазами и угрюмым голосом. – Нужно умудриться создать ключ из небытия без прототипа. А ключ от стеклянного куба отчеканен так, что воссоздать его может только материализатор с двадцать пятой степенью ипостаси.

– Но ведь это...

– Невозможно, верно. Однако за последние тринадцать лет граффы смогли открыть стеклянный куб дважды. Значит, существует и иной способ создать ключ, о котором мы не догадываемся.

– А если им все же удалось как-то добыть подлинник ключа...

– Исключено, Чват.

Юноша сделал короткую запись в блокнот.

– Получается, мы ищем материализатора?

– Именно его.

– А Ирвелин Баулин...

– Госпожа Ирвелин Баулин – отражатель. Но этот нюанс не мешает ей иметь сообщника.

– Правильно... кхм... правильно ли я понял вас, детектив: вы склоняетесь к версии, что Ирвелин Баулин и есть наш... наш сентябрьский вор?

Перед внутренним взором Харша вдруг всплыли строки из отчета тринадцатилетней давности: «Ни одному граффу-материализатору на протяжении долгих пяти столетий не удавалось воссоздать ключ, которого нет, и лишь Еме-

льян Баулин, графф, рожденный в семье клетотских рыбаков, смог поставить доселе надежный способ защиты белого камня под сомнение». Вместе с тем он вспомнил нелюдность его дочери и ее самонадеянный ответ на его главный вопрос: поступок своего отца Ирвелин Баулин не осуждала.

– Да, Чват, именно к этой версии я и склоняюсь, но пока в моей версии мало доказательств, – сказал Харш. – Я обращался к королевскому телепату, госпоже Фанку, которая сканировала гостей в День Ола. Как и все телепаты, она графф не из болтливых, однако я смог добиться от нее кое-какой информации.

– И что же она вам рассказала? – Чват в нетерпении заморгал.

– Ничего она мне не сказала, Чват, ты что, не слышал меня? – сквозь зубы рявкнул Харш, на этот раз не сдержавшись.

– Но вы только что...

– Я сказал, что смог добиться кое-какой информации. В словаре желтого плаща это два разных понятия!

Поблизости стоявшие граффы обернулись на шум. Ид Харш выдохнул и протер лоб платком, который всегда лежал в нагрудном кармане его шинели, и, жестом попросив у коллег прощения, продолжил:

– Услышав имя «Ирвелин Баулин», госпожа Фанку изменилась в лице – чуть побледнела и нахмурилась. Знаешь, что означает нахмуренный телепат?

– Я еще не успел поработать с телепатами...

– Это означает, что телепат узнала имя, и что-то в этом имени ей не понравилось. Записывай, Чват, записывай!

Малодушие Чвата раздражало Харша. И его вездесущий блокнот раздражал. И как капитан Миль мог допустить этого неопытного юнца на должность помощника именитого детектива столицы? В течение всей их беседы Харшу понадобилась вся его звериная воля, чтобы не нагрубить и не отойти от Чвата на другой конец галереи. Увы, служебный долг наполнял его башмаки цементом, не позволяя и шагу ступить от непрерывной докучливости юнца.

– Ирвелин Баулин есть что скрывать, – выговорил Харш. – И я намерен доказать это и получить у капитана Миля разрешение на ее тотальное сканирование.

Чват кивнул, добавив в этот краткий жест весь спектр своей неуклюжести. Между тем к ним подошел один из старших офицеров и протянул Харшу длинный бланк:

– Процедура окончена, детектив. Прошу вас поставить подпись свидетеля в правом нижнем углу.

У стеклянного куба низкорослый графф-штурвал пожимал руки обступившим его желтым плащам. Среди них Харш заметил и медную стрижку Доди Парсо, и бакенбарды самого капитана.

– Ключ уже унесли на уничтожение? – подписав документ, поинтересовался Харш.

– Да, унесли, – подтвердил старший офицер, взял бланк и удалился к остальным свидетелям.

– Замечательно, – скорее себе, чем кому-либо другому, сказал Харш.

Первое дело было улажено – Белый аурум вновь был под замком. Осталось найти виновника его похищения, и Ид Харш знал, за кем из граффов ему предстоит установить наблюдение.

Глава 9

Семья Кроунроул

Каждое утро Люсия Флиция приходила в кофейню «Вилья-Марципана» ровно в семь. Никакие мирские хлопоты не могли изменить ее расписания – ни головная боль, ни приезд дальних родственников из Префьювурга, коих у Тетушки было меньше, чем задетых сединой волос на ее голове, ни тем более выходные, которые Тетушка Люсия еще в юности занесла в список бесполезных мероприятий. Кофейня ее матери – смысл жизни, ее оплот в этом мире, единственный настоящий дом, и ежедневное возвращение сюда в компании

первых лучей солнца воспринималось женщиной-граффом как привычный ритуал.

Тетушка Люсия проявляла к кофейне заботу, подобно курице-наседке. Большую часть утренних приготовлений она исполняла исключительно своими силами. Этим утром она подняла деревянные жалюзи, впустив мягкий свет на облупленные стены, включила кофемашину на обогрев и опустила все стулья на их хлипкие ножки. Смахнув пыль с бочек, в которых томились старинные вина и крепкий граффеорский пунш, хозяйка достала из мойки чистые стаканы и аккуратно развесила их на металлические крючки над барной стойкой; следом она протерла витрину влажным полотенцем, а после проверила холодильник на предмет свободного места для свежего молока. Открыла кухню, включила печь; доставка муки, яиц и овощей приезжала не раньше семи, а повара госпожа Лооза – не раньше второй четверти восьмого. Под грузом многолетнего опыта все движения Тетушки Люсии были стремительными и до крайней степени четкими. Она не тратила время на пустую ходьбу и следовала лишь одному-единственному правилу: если идти – то с целью, нет цели – не стоит и идти.

За окном начинали мелькать редкие граффы; кто-то останавливался, чтобы опустить в приветствии шляпу, кто-то пробегал в спешке, а кто-то еле волочил ноги, с грустью вспоминая свою укромную постель. Первый раз колокольчик прозвенел при появлении Клим, рыжего официанта и

главного помощника Тетушки Люсии. Кивнув хозяйке, он молча направился в подсобное помещение за фартуком. Второй раз колокольчик оповестил о появлении госпожи Лоозы – тучной женщины с румяным лицом. Перекинувшись парой слов с Тетушкой Люсией, повариха скрылась в кухне.

Следующей побеспокоить колокольчик предстояло Ирвелин. Девушка вошла в «Вилья-Марципана» в половине восьмого, как они и условились накануне. К ней навстречу вышла Тетушка Люсия. Она сухо поздоровалась и сразу же пригласила девушку за рояль. Ирвелин повесила пальто на вешалку и прошла вглубь помещения. Пока она шла, Тетушка Люсия провожала ее взглядом со скупым предубеждением. Заметив это, Ирвелин постаралась сделать уверенный в себе вид, после чего дважды споткнулась о ножки стульев и еле удержалась, чтобы не упасть.

Скамья пианиста была мягкой. Присев, Ирвелин с благоговением осмотрела тихий инструмент и положила на пыльную крышку руки. «Здравствуй, меня зовут Ирвелин. Ничего, если я немного побеспокою тебя?» Подняв тяжелую крышку, Ирвелин улыбнулась, увидев излюбленную очередь из черно-белых клавиш.

– Уже можно начинать, – бросила ей Тетушка Люсия от барной стойки.

Прикрыв на мгновение веки, Ирвелин расслабила плечи и сделала пару глубоких вдохов, и только после этого опустила руки на холодные клавиши. Для прослушивания она

выбрала трудный в исполнении этюд «Околоозерные пляски», композитор которого был родом из Клекота. С первых же аккордов рояль начал излучать звук глубокий и чистый, и Ирвелин стало очевидно, что инструмент совсем недавно настраивали.

Играя, Ирвелин знала, что Тетушка Люсия не отводила от нее своего придирчивого взгляда, но ей вдруг стало все равно. Длинные пальцы бегали по клавишам, педали вращались в бетонный пол; все вокруг отошло на второй план, а впереди была лишь ее любимая музыка.

Ближе к концу произведения где-то на задворках сознания Ирвелин почувствовала давно забытое ощущение. Ее окружило плотное кольцо защиты. Казалось, эта защита была одушевленной и стояла рядом с ней, бережно опустив руку на хрупкое девичье плечо. Так бывало и раньше. Будучи ребенком застенчивым, Ирвелин создавала бессознательные отражательные барьеры при малейшей угрозе. Вот и сейчас ее дар вышел на волю без какого-либо контроля со стороны Ирвелин. Действуя по своему разумению, дар самолично принял меры, чтобы даже взгляд чужого человека не смог помешать успешному исполнению. Не повезет тому, кто сейчас решит пройти рядом со столь неопытным отражателем, как Ирвелин. Местный официант Клим не отличался особым везением, и, ступая с тяжелым подносом по узкому проходу между столами и роялем, никакой преграды он, разумеется, не увидел. Столкновения было не миновать. Его поднос

был нагружен фарфоровой посудой и бокалами. Мгновение – и вся посуда съехала в пустоту и со страшным треском разбилась, а потерявший равновесие Клим распластался рядом.

– Клим! Недотепа! – крикнула Тетушка Люсия, выскакивая из-за стойки. – Заплатишь мне за каждый разбитый бокал! Слышишь?

В попытке понять, что же произошло, Клим поднялся на четвереньки и посмотрел на Ирвелин. Девушка же сразу прервала игру и, сообразив, что виновницей была она, поторопилась убрать невидимые стены. Масштаб бедствия внушал ужас – осколки отлетели до самого выхода. Закончив со стеной, Ирвелин осторожно опустилась на колени и принялась складывать крупные осколки обратно на поднос.

– Это моя вина, – сообщила она.

– Ваша? – фыркнула Тетушка Люсия, приблизившись к ним. Несмотря на свое светлое платье, она без промедления опустилась на пол рядом с Ирвелин и начала ей помогать.

– Я отражатель, – объяснила Ирвелин.

Тетушка Люсия на миг замерла.

– Тогда все ясно, – сказала она и повернула голову к неподвижному Климу. – А ты чего расселся? Отдыхать вздумал? Вставай! Скорей тащи совок с веником! Первые посетители вот-вот придут, а у нас тут стекло вместо ковров. Ну же, Клим, пошевеливайся!

Упразднить беспорядок им удалось за четверть часа. Кинув последний осколок на поднос, Ирвелин поднялась и от-

несла мусор в подсобку. Тетушка Люсия и молчаливый Клим продолжили подготавливать кофейню к открытию в ускоренном темпе – на задний двор приехала доставка, и Клим ринулся ее принимать. Между тем за входной дверью успела столпиться небольшая горстка завсегдатаев.

В образовавшейся суматохе Тетушка Люсия напрочь позабыла об Ирвелин и ее прослушивании. Хозяйка кофейни приступила к обслуживанию гостей, а за кофемашину встал взмокший Клим. Решив дождаться более удобного момента, Ирвелин присела на барный стул и уставилась на витрину, теперь наполненную свежими кренделями.

Кофейня ожила. Утреннее время было самым прибыльным для Тетушки Люсии: желающих начать свой день с кофе было с лихвой. Вот и госпожа Корнелия появилась в сопровождении без конца мяукающих кошек. Клим сновал по залу туда-сюда, и Ирвелин ненароком заметила, что каждый раз, когда Клим проходил мимо ее стула, он награждал ее недовольным взглядом. Конечно, он злился, ведь из-за ее неопытности парню предстояло выплачивать приличный штраф.

– Ирвелин? – услышала она сквозь мысли. – А вы будете что-то заказывать?

Вопрос, как ни странно, исходил от Тетушки Люсии, которая только что расправилась с первой волной посетителей.

– Нет, не буду, – ответила Ирвелин и, чуть помявшись, продолжила: – Я хотела бы извиниться. Я совсем недавно вернулась в Граффеорию, и владение ипостасью у меня пока

на уровне иностранца...

– Всеми виной бесконтрольный барьер. Знаю об этой дряни не понаслышке.

Ирвелин в удивлении приподняла брови.

– Да, я тоже отражатель, – сказала Тетушка Люсия и даже чуть-чуть улыбнулась, но после тут же вернула уголки губ на прежнее место. Ирвелин улыбнулась в ответ, пусть и довольно скованно. В Граффеории между графами с одинаковыми ипостасями существовала своя уникальная связь. В безликой массе людей ты встречаешь человека, ранее тебе незнакомого, – другого возраста, другого роста и положения, с другими взглядами на жизнь и другой верой, но этот человек помечен тем же даром, что и ты, а значит, вы не такие уж и разные.

– Госпожа Флиция, я хотела бы...

– Госпожа? Духа-истины ради, душечка! Ко мне так уже двадцать лет никто не обращается. Зовите меня Тетушкой Люсией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.